

СЕЛЕСТА БРЭДЛИ

Цена страсти

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Селеста Брэдли

Цена страсти

«АСТ»

2014

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Брэдли С.

Цена страсти / С. Брэдли — «АСТ», 2014 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-094271-8

Красавица Электра Уортингтон знает, что брак по расчету с богатым и знатным джентльменом – единственная возможность спасти от разорения свою непрактичную и непутевую семью. Однако кто женится на девушке, родственники которой стали буквально притчей во языцех во всех светских гостиных Лондона? Уж точно не Эрон, лорд Арбогаст, ставший жертвой очередного ужасного скандала и теперь, чтобы получить наследство, вынужденный вступить в подобающий его положению, совершенно безупречный брак! Эрон прекрасно понимает: женитьба на нищей мисс Уортингтон станет для него социальным самоубийством, а о наследстве придется забыть. Однако что значат деньги и положение для мужчины, который впервые в жизни влюбился по-настоящему, страстно и безумно?...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-094271-8

© Брэдли С., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Селеста Брэдли
Цена страсти
Роман

Celeste Bradley

With this ring

© Celesta Bradley, 2014

© Перевод. А.М. Медникова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

Англия, 1818 год

«...А вот наисвежайший лакомый слушок от вашего „Гласа общества“, драгоценный наш читатель! Из достоверных источников нам стало известно, что с триумфом возвращающийся из делового, притом весьма успешного для его финансов, вояжа на Багамы лорд Эрон Арбогаст, вскоре готовящийся принять титул графа Арбодина, имеет и тайный мотив: он едет домой, дабы подыскать себе добропорядочную английскую графиню!»

Внутри изящной кареты, выкрашенной в такой темно-зеленый цвет, что она казалась почти черной, запряженной великолепной парой лошадей и катящейся вниз по Бонд-стрит, один пассажир протянул другому газетный листок, открытый на колонке светских сплетен.

Второй пассажир бегло просмотрел заметку.

– Хм-м-м... «весьма успешный для финансов вояж», стало быть?

Первый пассажир пожал плечами:

– Ну... полагаю, термин «изгнание» не вполне подходит для газетенки столь низкого пошиба.

Второй приглушенно не то хихикнул, не то хмыкнул:

– Добро пожаловать в родные пенаты, лорд Эрон Арбогаст!

А тем временем в будуаре в некогда фешенебельном, а ныне захолустном пригороде Лондона изящный девичий пальчик скользил по колонке газетных сплетен. Нежная ручка проворно схватила перо, обмакнула его в чернильницу, стоявшую на секретере... На столе лежал обычный листок форматом тринадцать на шестнадцать дюймов, на котором уже начертано было несколько имен богатых, титулованных, *подходящих особ*.

Перо на мгновение замерло над страничкой... затем заостренный его кончик медленно поднялся к самому верху списка, где тотчас начертано было очередное имя.

А потом перо подчеркнуло это новое имя. Дважды.

«Лорд Эрон Арбогаст»

В то же самое же время за завтраком, совсем неподалеку (если иметь в виду расстояние) и в ином измерении (если иметь в виду аристократизм) молодой человек, яростно работая вилкой, запихивал в рот куски яичницы, машинально проглядывая газетенку. Вдруг глаза его, за мгновение до того осоловелые, широко распахнулись и наполнились ужасом. Не может быть! Вилка выпала из его пальцев, клацнув по фарфору тарелки и разбрызгивая по снежно-белой скатерти желток. А рука, сжимавшая газетный лист, сжалась в кулак – да так, что костяшки пальцев побелели.

– Лорд Эрон Арбогаст!

Глава 1

– Нет нужды беспокоиться, Сандр, – заверила Электра Уортингтон своего брата Лисандра, который молча выразил протест против избранной ею стратегии. – Ну что может пойти не так?

Следовало бы ей благоразумно промолчать, чтобы не сглазить: планы Уортингтонов, как бы продуманны они ни были, обычно терпели фиаско.

Сейчас была полночь, и барышня сидела под протекающими останками кровли, держа на коленях выдавший виды дуэльный пистолет (некогда превосходный, да и сейчас вполне рабочий) и глядя на загорелое красивое лицо мужчины, взлохмаченного, связанного и разъяренного. На свой последний шанс вытащить семью из нищеты – шанс, ради которого она рискнула своей репутацией и добродетелью. И впервые за всю свою бесшабашную жизнь она ощущала себя в западне!

«Черт подери, я похитила не того человека!»

Двадцатью четырьмя часами ранее

Жидкая дорожная грязь ухудшала и без того прискорбный вид старенькой кареты. Безжалостный ливень тотчас смывал основную ее массу прямо на промокшую ухабистую дорогу. И хотя минуло уже два часа пополудни, никто не смог бы определить время, потому что небо затянуто было темными тучами и рассвет так толком и не наступил...

Лорд Эрон Арбогаст, внук и наследник графа Арбодина, умело правил каретой, направляя ее сквозь непогоду умелыми и мозолистыми руками. Странно даже было вспоминать, что когда он уехал из Англии десять лет назад, то не правил ничем тяжелее спортивного двухколесного экипажа! Тогда он и помыслить не мог о том, что истинный аристократ способен в роли возницы противостоять столь яростной непогоде...

Теперь же ему было откровенно начхать на струи дождя, молотившие по полям шляпы, одолженной у его слуги Хейстингза, – ну разве что он вспоминал, что дожди на Багамских островах не в пример теплее...

Клеенчатый плащ возницы также был одолжен у Хейстингза, а собственный его теплый шерстяной наряд отдан недужному, мучающемуся лихорадкой слуге, который сейчас трясся внутри некогда роскошной, а ныне порядком обшарпанной кареты.

Львиную долю его накоплений съело плавание до Лондона, однако стоило кораблю пришвартоваться в порту – и лорд Эрон испытал острейшее желание как можно незаметнее и скорее бежать из города, где свершилось его «юношеское падение»...

К тому же все обошлось куда дороже, чем ожидалось: два пассажирских места на грузовом корабле, для него и Хейстингза, шикарные костюмы, которые сейчас согревали дрожащего в лихорадке слугу, выдавшая виды карета и пара колченогих лошадей, ступающих не в лад и с трудом тянущих свою ношу...

Да что там переезд по морю! Купленный им «конь для джентльмена» на деле оказался мосластым гнедым мерином сомнительного происхождения, с угрюмым нравом, длинными тощими ногами, но на удивление легкой походкой и весьма философским, даже циничным взглядом на поработившее его человечество – даром что обошелся он Эрону не дороже конской убоины на базаре. И это отнюдь не была фигура речи: животное уже уныло брело в сторону бойни, когда Эрон заметил необычайную аристократичность его поступи. Перекупить его у мясника оказалось делом пары фартингов...

За последние десять лет Эрон научился верить в чудодейственную силу «второго шанса».

Все вышеперечисленное преследовало единственную цель: произвести благоприятное впечатление на деда, которого он не видел с тех самых пор, как Черный Эрон был выдворен за пределы Англии за «недальновидность» много лет тому назад.

Неужели это именно так именуется? Недальновидность? Но девушка умерла!..

В который уже раз заслышав обвиняющий голос памяти, Эрон поморщился. Да, он сполна заплатил за ту ужасную ошибку – да что там, платит все последние десять лет... однако даже эти годы в изнуряющих тропиках не в силах были бы воскресить Амелию.

Изгнание его тогда было единственным выходом для деда. И Эрон это знал. То самое преступление, что исторгло его из семейного лона и заставило пересечь три континента, было столь чудовищно, что он каждый день в течение этих мучительных десяти лет кропотливо восстанавливал самоуважение и собственную честь.

Увы, репутацию его спасти было невозможно...

И если бы не тяжелая болезнь старого графа, Эрон никогда не нашел бы в себе смелости возвратиться. Даже теперь.

Впрочем, если болезнь старого графа и впрямь так тяжела, как утверждает в своем письме кузина, то это последний шанс Эрона восстановить свое доброе имя и обрести наконец статус наследника. Ибо на кону были титул и солидное наследство в виде недвижимости – и никто не посмеет их у него оспорить, невзирая на его сомнительную репутацию. Но об управлении обширными угодьями, не имея состояния и статуса, которые могло дать ему лишь прощение деда, нечего было и думать...

Если он успеет вовремя достичь Дербишира, то, бог даст, удастся доказать деду, что стал другим. Эрон вез с собой рекомендательные письма от уважаемых джентльменов, от управляющего деда на островах и от местного судьи. Эти бумаги, тщательно завернутые в непромокаемую клеенку и надежно упрятанные в недра багажа, были талисманом Эрона. Возможно, все его тяжкие труды во искупление греха были не напрасны...

В краткое мгновение затишья, когда буря и дождь утихли, Эрон услышал звуки оглушительного чихания, исходящие из кареты. Он свесился с козел и, отдернув занавеску, заглянул внутрь. Хейстингз с самым что ни на есть несчастным видом моргал, щеки его лихорадочно пылали, а красный воспаленный нос, казалось, затмевал свет каретного фонаря, колеблемый ветром. Слуга неудержимо чихал.

– Мне нужен горячий суп! Слышишь, ты, никчемный франт? – объявил ему Хейстингз на отличном кокни¹. – Отменная густая похлебка да еще кровать с чистым бельем, одеялами и всем прочим!

Лорд Эрон Арбогаст, в своей юности едва не выбивший дух из лакея за неуместный смешок, сейчас лишь смиренно кивнул, исполненный сочувствия к своему слуге, в прошлом вору и жулику:

– Все тебе будет, друг мой, вот только доедем до постоянного двора... Кстати, ты уверен, что на этой дороге есть гостиницы?

– А то! – Тут приступ кашля одолел Хейстингза, и он забормотал нечто не вполне связанное. Хорошо, что этот парень – франт и чистюля. Если бы был простым работягой, ни дня не протянул бы!

Эрон задернул занавеску, потому что дождь усиливался, и он вовсе не хотел, чтобы Хейстингз простудился еще сильнее. Стиснув в руках поводья и не обращая внимания на холод и дождь, нещадно хлещущий прямо в лицо, он послал усталых лошадей в галоп.

Когда в непроглядном ливне показались освещенные окна гостиницы, казавшиеся очень желтыми в синеве английских сумерек, Эрон выдохнул с облегчением и хлестнул

¹ Кокни (англ. cockney) – один из самых известных типов лондонского просторечия. – Здесь и далее примеч. пер.

напоследок по спинам истомленных кляч. Впрочем, лошади в этом нисколько не нуждались – они прекрасно знали, где их ожидает сладкое сено и доброе зерно... Карета въехала на мощный двор гостиницы – и Эрон с облегчением вздохнул, когда мальчик-грум выбежал на дождь и подхватил под уздцы лошадей.

Жестом подождав приземистого человечка, по виду хозяина гостиницы, Эрон попросил его помочь вытащить из кареты недужного Хейстингза. Завидев больного, хозяин гостиницы затряс головой:

– О-о-о, твой бедный хозяин совсем плох, парень! Хочешь, пошлю за деревенским лекарем? Ну, он не то чтобы заправский лекарь – так, простой зубодер, и для благородного лорда совсем не годится, однако по части лихорадки кое-чего смыслит.

На миг замаявшись и осознав ошибку хозяина гостиницы, Эрон мгновение спустя решительно кивнул и сдернул с головы промокшую насквозь шляпу:

– Ага, сэр! Буду весьма признателен, коли вы дадите себе труд!

Облаченный в отменный шерстяной костюм, отороченный золотыми галунами и вполне достойный того, чтобы явиться в нем при дворе принца регента, Хейстингз и впрямь походил на занедужившего джентльмена. Правда, ботинки Эрона были отменного качества – однако оба, и слуга и господин, изгваздались в грязи выше щиколоток, так что разницы никто бы не заметил. Ясно было, что о Хейстингзе прислуга постоялого двора куда лучше позаботится, если сочтет его состоятельным джентльменом.

С помощью хозяина гостиницы и мальчика-слуги Эрон внес в тепло трясущегося в лихорадке больного. Бросив взгляд назад, на темную и грязную дорогу, испустил вздох облегчения.

Так близко... Имение графа Арбодина находится всего в половине дня неспешного пути к северу. Но делать нечего... Не может он покинуть Хейстингза, не убедившись, что слуга хорошо устроен. Как только он подыщет им обоим комнаты, тотчас отпишет кухне и объяснит, что задерживается.

Эрон направился к карете, чтобы подхватить невеликий багаж, но вдруг, взглянув в сторону гостиницы, наткнулся взглядом на пару изумительных сине-зеленых глаз... таких ошеломляющих глаз он в жизни своей не видывал!

Электра Уортингтон подняла глаза от романа, когда ее брат Лисандр вошел в маленькую гостиную, которую они снимали в гостинице «Зеленый Ослик». Строго говоря, хозяин гостиницы вовсе не предоставлял им в распоряжение эту гостиную. Сдается, он и не подозревал, что они ее используют, однако Электра, опираясь на свой богатый опыт, твердила: улыбка и молчаливое согласие все равно что разрешение. Особенно тут, возле самых диких вересковых шропширских пустошей – откуда, однако, до Лондона рукой подать.

Когда они покончили с говядиной и зеленью, поданными на ужин, ее братец Лисандр, по обыкновению, впал в беспокойство. Лисандр вообще не бывал спокоен, если не ел или не спал. Впрочем, вся прислуга в Уортингтон-Хаусе часто пробуждалась от его криков во время ночных кошмаров...

Но такое в последнее время случалось нечасто. И он уже не был той молчаливой и время от времени испускающей звериный вой тенью человека, некогда вернувшегося с войны, затеянной против Наполеона. Он был не так чтобы худ, но жилист и мускулист и в любую секунду готов к бою. К тому же еще и обрел дар речи... по крайней мере, время от времени что-то говорил.

Сейчас же Лисандр просто многозначительно смотрел на нее. Будучи, к счастью, из рода Уортингтонов, Электра хорошо владела языком взглядов.

– Что-то важное?

Не желая покидать насиженного места, Элли отложила книгу и обратила все свое внимание на обожаемого старшего брата – так, словно он вслух этого потребовал. Чего, впрочем, он бы никогда не сделал...

Темные глаза Лисандра устремились на оконный переплет того самого окна, из которого открывался вид на двор гостиницы. Элли встала, пересекла комнату и, опершись рукой на подоконник, выглянула наружу. Сквозь крошечные стекла, разделенные деревянными планками, она разглядела грязный и мокрый двор – точь-в-точь такой, в который они въехали несколькими часами ранее... О, она отдала бы многое, чтобы никогда сюда не попадать... Увы, ее вынудила к этому жесточайшая необходимость!

– О боже праведный! – Электра прильнула к стеклу, следя за тем, как из темной кареты на руках выносят неподвижное тело. – Так этот человек мертв?

Она оглянулась через плечо – Сандр отрицательно покачал головой. Привстав на цыпочки, Элли прижалась лбом к ледяному стеклу, глядя как двое несут распростертое тело в гостиницу. Заметив, что «тело» протестующе мотает головой, она с облегчением выдохнула...

Тут Электра заметила еще одного человека. Стоя под дождем, он вытаскивал из недр кареты два объемистых саквояжа. Электра не понимала, отчего он привлек ее внимание...

Вдруг этот человек поднял глаза и устремил взгляд прямо на нее – словно знал, что за ним наблюдают. Ее пронзило вдруг странное волнующее ощущение, угнездившееся наконец где-то внизу ее живота. Изумленная Электра затаила дыхание, затем заморгала, пораженная собственной странной реакцией.

Тем временем незнакомец стащил с головы насквозь промокшую шляпу, не переставая беззастенчиво глазеть на нее. Ну и нахальный же парень!

Элли сощурилась, силясь понять, какого сорта этот человек. За годы практики она обрела способность молниеносно оценивать принадлежность человека к тому или иному социальному слою, а также довольно точно прикидывать, насколько персона состоятельна.

Этот мужчина был высок и мускулист – этого не мог скрыть даже промокший клеенчатый плащ. Двигался он так, словно был в любую секунду готов к чему угодно, немного напоминая старого мастера фехтования, обучавшего братьев и сестер Уортингтон, и одновременно походя на хорошо натренированного боксера или... разбойника.

Одет он был как слуга или возничий. Электра не могла разглядеть его черты сквозь тусклое стекло, заливаемое потоками дождя, но было ясно: выглядит он усталым, не брился как минимум несколько дней и вообще... не слишком солиден для того, чтобы беззастенчиво глазеть на леди так, словно она какая-нибудь девка в пабе!

«Неужели я похожа на трактирную девку?»

Впрочем, мокрое стекло играет странные шутки: возможно, он вовсе на нее и не глядит...

Однако незнакомое и волнующее ощущение в самом низу живота свидетельствовало об обратном. Но Элли предпочла не обращать на это внимания...

«... К черту этого кучера! Что там с первым джентльменом, который явно нездоров?» Теребя пальчиком нижнюю губу, Электра стала вслух припоминать его приметы.

– На нем дорогой сюртук, – вполголоса бормотала она, – хотя в моде такие были пару сезонов тому назад... похоже, украшенный настоящими золотыми галунами... очень уж они сверкали... И еще... сюртук ему немного великоват, но это не слишком удивительно, учитывая, что человек болен... – Элли оценивающе оглядела карету и пару лошадей – мальчик-конюший как раз уводил их под навес. – Карета почти так же стара, как и наша... возможно, он не смог позволить себе новую – или это бережливость, свойственная богатым, которые покупают дорогие вещи и подолгу их используют... – Она сощурилась, глядя

сквозь моросящий дождь вслед паре лошадей. – Пара, кажется, недурна – впрочем, лошади настолько грязны, что невозможно понять, насколько они хороши...

Электра покачалась на каблучках и перевела дыхание. Любопытство билось в ней, словно пойманная на крючок рыбка.

– Хотелось бы рассмотреть его лицо, но не пристало мне выбегать под дождь, да еще и таращиться на незнакомца!

Впрочем, на возницу она беспардонно таращилась через окно, разве не так?...

Она повернулась к Сандру:

– Выйди, прошу тебя, и узнай: он при смерти? Стар или молод? Разузнай у хозяина гостиницы... ну ладно, выясни хотя бы его имя!

Сандр равнодушно кивнул и вышел из комнаты.

Электра снова посмотрела сквозь мокрое стекло. Во дворе было пусто. Даже бесстыжий возница куда-то делся...

Досадливо фыркнув и стуча каблучками, мисс Уортингтон направилась к стулу и с размаху села на него, взметнув воланы юбок. Как же она истомилась, сидя взаперти в этой комнатухе, дожидаясь кухни, которую она никогда и в глаза не видела, да что там, даже не слышала о ней от родителей ни разу! Какая-то неведомая Блисс Уортингтон... Они с братом должны были встретить ее на полпути от ее обители в Шропшире, где кухня уже давно проживала в приемной семье вдали от столицы. Собственно, миссия их состояла в сопровождении мисс Блисс Уортингтон в Лондон, чтобы та приняла участие в сезонных придворных балах вместе с Электрой. А ведь именно она, Электра, добилась этого права с таким трудом и возлагала на сезон такие великие надежды!..

«...И я, что вполне понятно, вовсе не в восторге от подобной перспективы!..»

Да и перспектива путешествия назад в Лондон вовсе не приводила Электру в восторг. Дорога сюда была неспешной и безрадостной – почти все время она томила в карете в полном одиночестве. Лисандр ехал верхом рядом с экипажем, так как все еще страдал клаустрофобией и не мог находиться в замкнутом пространстве. Никто из домашних не знал, что именно произошло с Лисандром в то время, что он считался погибшим и находился во вражеском тылу. Однако этого нервного и издерганного человека все любили ничуть не меньше, чем того смешливого мальчика, что некогда уходил на войну...

Просто он стал куда менее понятен и непредсказуем.

Предполагалось, что на пути домой к Электре присоединится Блисс. Разумеется, девица будет при изрядном багаже...

Внезапная непогода, из-за которой путешествие Электры и Лисандра сделалось столь тоскливым и неспешным, задержала в пути и Блисс. И единственным развлечением за томительные часы вынужденного ожидания стало прибытие покойника. Ну... почти что покойника.

Электра прикидывала, что это ей дает, втайне изумляясь собственному холодному бессердечию.

Впрочем, разве леди в ее положении может позволить себе такую роскошь, как мягкосердечность?...

Скрестив руки на груди, Электра позволила себе слегка расслабиться и вольно откинуться на спинку стула. Она оглядела свои маленькие владения. Если бы новоприбывший джентльмен был хоть сколько-нибудь именит, он наверняка потребовал бы для себя эти покои. Ну, если бы был здоров и... жив. Род же Уортингтонов хоть и старинный, но далеко не самый аристократический, к тому же хозяин гостиницы явно предпочел бы в качестве оплаты что-то посущественнее сияющей улыбки Электры. Если и было что скучнее пребывания в этой не слишком чистой гостиной, так это затворничество в отведенной ей крошечной комнате размером с чуланчик. Даже самая ослепительная ее улыбка и изящный реверанс

с демонстрацией соблазнительной ложбинки между грудей не помогли им с братом добиться лучших апартаментов. Что ж, по крайней мере у них с Сандром отдельные комнаты... Она испытывала к брату одновременно острейшую любовь и жалость, но не смогла бы долго выносить его ночные метания и беспокойство.

«...Почему бы этой треклятой кухне не поторопиться?...»

Припомнив родительскую просьбу, высказанную тремя днями ранее, Электра тихо зарычала сквозь стиснутые зубы.

Отец вел себя так, словно делал ей величайшее одолжение...

– Все будет просто прелестно, дорогуша моя! Это обворожительная девочка, ну просто сплошное очарование... по крайней мере она была такой, когда мы видели ее в последний раз...

– Она каталась на тебе верхом, Арчи, а ты с успехом изображал резвую лошадку! – Айрис, как все домашние именovali ее мать, игриво замахала на супруга платочком: – И звала тебя «дядя Арти»! О, как это было прелестно, как мило!

Электра во все глаза уставилась на родителей:

– Может быть, я вас не совсем правильно поняла? Вы хотите, чтобы я отказалась от бала у лорда Оруэлла, к которому так тщательно и долго готовилась, ради того, чтобы тащиться бог весть куда встречать кузину, про которую впервые слышу? А потом притащить ее в Лондон, чтобы она приняла участие в моем придворном сезоне?

...В ее первом придворном бальном сезоне и, очень возможно, последнем? В сезоне, ради участия в котором она лгала, юлила... да что там, за который душу готова была продать?...

Электра вспоминала долгую работу, слишком долгую, занявшую добрый десяток лет: все те уроки танцев, оплаченные свежими яйцами из-под кур, выклянчивание платьев у подружки матери, а потом бесконечное их перешивание и перелицовывание, чтобы всякий раз выглядеть по-новому и всякий раз ослепительно! А подложные «письма от матери» с униженным выпрашиванием приглашений на все сколько-нибудь приличные суаре... А чего стоили беспардонные кражи этих самых приглашений с туалетных столиков более зажиточных подруг?...

Внутри у нее все похолодело. Это была катастрофа...

– Я этого не сделаю! Не сделаю! Если эта самая Блисс решила, что может нагло, без приглашения, вломиться на мой придворный сезон, то она, черт ее дерь, может идти...

Но Элли умолкла, когда ее любимые глупые родители в две пары непонимающих глаз уставились на нее. Айрис и Арчи любили дочь, и она прекрасно об этом знала. Во всех прочих смыслах они были совершенно бесполезны, но их родительская любовь была безусловна, горяча и нежна. И в глубине своего холодного и циничного сердца саркастичная и прагматичная Электра обожала их обоих. И просто не могла столь жестоко их разочаровать.

И, вынужденная ответить на просьбу согласием, мрачно заявила:

– Но она ничего из моих вещей не получит! Ничего моего! Никогда!

«...Ничего. Кроме моего придворного сезона. Кроме единственного моего шанса поправить пошатнувшиеся финансовые дела семьи посредством блестящей помолвки, а затем и брака... Кроме единственной надежды всей моей семьи на лучшее будущее...

...Будь ты проклята, Блисс!»

Обворожительная, прелестная мисс Блисс Уортингтон... Электра уже ненавидела ее всей душой.

Какое идиотское имечко! Блисс!² И ухитряются же некоторые подобрать столь нелепое имя ребенку! Прищелкнув пальчиками, мисс Уортингтон благоразумно не стала думать о

² Bliss – блаженство, нега, счастье (англ.).

пристрастиях ее родных к величественным классическим именам: Дедал, Каллиопа, Орион, Лисандр, Кастор, Поллукс, Аталанта... и, разумеется, Электра. Рано или поздно все дети, осчастливленные подобными прозваниями, сокращали их – и звались просто Дейд, Калли, Рион, Сандр, Кас, Пол, Атти и Элли...

Но Блисс?... С таким имечком что прикажете делать? А ей как прикажете величать кузину? Бли? Лисси?...

– Блисс, счастье мое, поправь шляпку! – насмешливо пропела Элли, обращаясь к пустой комнате. – Блисс, блаженство мое, у тебя из-под платья видна нижняя юбка!

«...Блисс, черт тебя возьми, отдай мне мой придворный сезон!»

«Интересно, хорошенькая ли эта Блисс», – вяло подумала Электра. В роду Уортингтонов девушки обычно бывали весьма недурны собой. Айрис хоть с возрастом и пополнила, но продолжала носить роскошные серебристые волосы скрученными в асимметричные пучки, частенько закрепленные вместо шпилек кистями для рисования, и все еще была необычайно хороша. Да и старшая замужняя сестра Электры, Калли, была весьма привлекательна. А малышка Атти, в свои тринадцать лет еще немного нескладная, грозила затмить их всех – разумеется, если кому-то удастся заставить ее носить шляпки и регулярно осветлять при помощи лимона веснушки.

Наделенная природой правильными чертами лица и приятной во всех отношениях фигурой, Электра к тому же отточила до совершенства свое чувство стиля, а еще непоколебимую уверенность в себе и своем праве получить от жизни самое лучшее, отчего создавалось впечатление, что она куда краше, чем есть на самом деле. Однако дело тут было вовсе не в тщеславии. Нет, совсем не в нем... Она оценивала свою внешность в точности так, как другие оценивают свои банковские счета. А именно безжалостно и честно, просчитывая все возможности. Потому что внешность была единственным ее достоянием, и Элли намеревалась извлечь из этого максимум выгоды. Несомненно ей необходим был титул, но обедневший представитель славного рода в качестве супруга ее тоже не устраивал. Элли намерена была сполна и со всей мудростью воспользоваться своим единственным достоянием. А задача перед ней стояла непростая – восстановить былую славу и процветание рода Уортингтонов.

Для этой цели, учитывая эксцентричность и сумасбродство членов ее семьи, Электре потребуется несметно богатый граф – безупречный дворянин, без сучка, без задоринки, а также без страха и упрека! И это как минимум...

Разумеется, добродетель свою юная леди блюла ревностно – ведь это тоже дорогой товар. Однако невинность вовсе не означала, что она наивна. С молодых ногтей Электра постигла законы миропорядка и намеревалась воспользоваться этим знанием, чтобы спасти семью. И видит бог, она это сделает!

Электра полагала, что из всех Уортингтонов она единственная обитает в реальном мире. Ее родственники понятия не имели, сколь ядовиты бывают светские сплетни, и даже не подозревали, как легко в высшем свете получить нож в спину фигурально выражаясь. Уортингтоны беспечно порхали по жизни, полагаясь на мифическую защиту влиятельных друзей и на силу своего древнего славного имени. «Оно старше Стоунхенджа³», – гордо провозглашал Арчи.

Однако вышеупомянутые древние каменные глыбы отчего-то хранили гордое молчание относительно того, кому именно оплачивать счета мясника или ремонт обветшавшего фамильного гнезда, не говоря уже о достойном приданом для Атти. Все эти досадные мелкие заботы всецело были отданы на откуп Электре...

В комнату вошел Сандр, прервав безрадостные размышления сестры.

³ Стоунхендж – каменная постройка в графстве Уилтшир, в Англии, времен древних друидов.

– Лорд Эрон Арбогаст, – кратко сообщил он. – В жестокой лихорадке. Пока не при смерти...

Затем, повернувшись, удалился.

Электра выпрямилась на стуле, быстро вспоминая недавно прочитанную газетную заметку. «Лорд Эрон Арбогаст... деловой вояж на Багамы, весьма благоприятный для его финансов... готовится принять титул...» – всплыло в памяти.

Но самое главное она произнесла вслух, смакуя каждое слово:

– Он едет домой, дабы подыскать себе добропорядочную английскую графиню!

Кулачки мисс Уортингтон хищно сжались, словно ей не терпелось ухватить добычу, да покрепче. О да, вот оно! Интимная обстановка тихой гостиницы... прихворнувший лорд... Правда, Сандр не сказал, молод он или стар, но это не имело ровным счетом никакого значения!

А самое лучшее во всей этой истории вот что: он только что возвратился из дальних странствий! Неужели... неужели ей удалось отыскать человека, ничего не знающего про Скандальных Уортингтонов? Что ж, тогда это практически бесценное создание – вроде мифического единорога...

Ну а она – та самая девственница, которой по силам его заарканить!..

Волею случая угодив именно на этот постоялый двор, она наконец обрела преимущество в игре, где побеждают обычно куда более состоятельные и влиятельные игроки.

«Будь благословенна, Блосс!..»

Глава 2

Тем же вечером, но много позднее, с отвращением оглядев свое колючее ложе на сеновале, Эрон решил, что эта его жертва почти – но лишь почти! – искупила его вину перед Хейстингзом. Да, этот человек, возможно, и спас ему жизнь, но сейчас он нежится в божественно мягкой постели, а вокруг него хлопочут ангелы... Хорошо, пусть пышнотелые соблазнительные служанки...

«Но ее – нет. Ее там нет».

Он припомнил, как стоял под дождем во дворе гостиницы и глядел на волшебную принцессу из сказки, заточенную в башне...

Воспоминание это не давало покоя, раздражая своей неотвязностью. Эрон заворочался на своей неудобной постели из колючего сена. Это всегда так, не правда ли? Идет человек верной дорогой, все делает правильно, решает свои проблемы – и тут на тебе, одна из *этих*!..

Ее близость причиняла боль и беспокойство подобно вонзившейся в тело стреле. Он тотчас понял по изящному изгибу длинной шеи, по невесомым пальчикам, скользящим по стеклу, по горделивой посадке головы, что *эта не из служанок*.

О, английская леди, самое рафинированное и нежное создание на свете – и самое опасное!

Эрон мог биться об заклад, что и она его заприметила. Правда, непонятно, кем она его сочла. Да и он хорош – стоял под ее окном как идиот, позволяя ей его разглядывать, давая возможность рассмотреть – так, словно спешил сообщить всему миру, что распоследний из подлецов лорд Эрон Арбогаст возвратился в Англию и что всем пора запастись камнями, чтобы его ими закидать!..

Эта встреча лишь доказывала его правоту. Женщины, подобные этой, заставляют мужчину терять голову, расставаться с бессмертной душой и честью. Вот если бы у мисс Амелии Мастерсон было в свое время хоть сколько-нибудь собственного здравого смысла...

Нет! Он не мог ни в чем винить Эми. Она была всего лишь глупенькой экзальтированной барышней, склонной к болезненным фантазиям и мелодраматичности. Однако она была невинна, наивна и нуждалась в твердой руке и руководстве. И что бы ни сделала Эми да и прочие героини той истории, Эрон ясно осознавал: это он не смог выполнить свой долг джентльмена по отношению к девушке, не сумел защитить ее...

Кто более всех виноват в трагическом конце мисс Эми Мастерсон, теперь уже было яснее ясного. Жребий пал на него. Тем не менее в один прекрасный день он сделается графом Арбодином и унаследует состояние. Ему лишь надлежит убедить старого графа, что он, Эрон, волшебным образом изменился. Что он более не прежний беспечный и избалованный юнец, которого изгнали из родного дома бесчестье и позор. Что он стал ответственным, обязательным человеком, что научился распоряжаться состоянием, что станет достойным хозяином Арбодина...

Если только он унаследует богатство, которое спасет его дом от разорения... Ему необходимо тщательно следить за финансами, совершая чудеса изворотливости, – что он собственно и делал последние десять лет. И если он сумеет доказать, что преуспел в этом, тогда дед его, возможно, уверует если не в честь Эрона, то хотя бы в его деловые качества, столь необходимые лорду.

От острого чувства вины и утраты Эрон вновь беспокойно заворочался на своем неудобном соломенном ложе. То он думал о состоянии своих финансов, то о состоянии своего наследственного имения... А временами вспоминал потрясенный взгляд деда, полный отвращения, – и его бросало в жар...

И вновь звучали в его ушах мольбы Хью Уэллса: «Ты наследник графа Арбодина! Он никогда не ополчится против тебя! А у меня нет никого... никого, кроме тебя!»

– Эй ты! Кучер!

Подняв голову, Эрон увидел чье-то лицо, обросшее бородой. Явившийся на чердак грум издевательски ухмылялся. Грубое слово готово было уже сорваться с языка Эрона, но он вовремя сообразил, что именно этот грум одолжил ему на ночь одно из своих одеял. Он мрачно кивнул, выражая признательность.

– Спасибо тебе, парень...

– Ну вот, началось – спасибо! – Веснушчатый грум презрительно фыркнул. – Еще ножкой шаркни и присядь в реверансе! Сдается мне, ты так долго возил джентльменов, что превратился в благонаправную леди!

Губы Эрона помимо его воли сложились в улыбку: грубоватая щедрость и искренность грума согрели его сердце. Пустые размышления ни к чему путному не приведут. В конце концов он все еще топчет эту землю и знает, что стал теперь хорошим человеком, и впрочем, уже смирился и с тем, что мир может с этим утверждением не согласиться...

Эрон завернулся в пропахшее лошадиным потом одеяло и поглубже зарылся в золотистое сено. Никогда в жизни ему не спалось слаще!..

Поутру, сразу как прокукарекал петух, Эрон пробудился: неподалеку уже цокали копыта – грум прогуливал лошадь. Он наскоро умылся ледяной зеленоватой водой, собственноручно добытой из глубокого колодца.

В юности он даже представить не мог, что окажется когда-нибудь на такое способен...

В столь ранний час постояльцы еще не встали, поэтому Эрон наскоро перекусил хлебом с сыром в компании шумных слуг и запил нехитрый завтрак жидким пивом. Эта грубоватая веселая компания положительно ему нравилась. Но вскоре они со смехом отослали его приглядеть за его «франтом-господином», и Эрон, довольно ухмыляясь, направился в дом, чтобы навестить занедужившего слугу.

Хейстингза устроили с комфортом, достойным истинного лорда, в лучшей во всей гостинице комнате. Эрону сообщили, что на кровати свеженабитый матрас, а окна выходят на лужайку, а вовсе не на грязный гостиничный двор.

– В комнате даже конюшней не пахнет! – гордо объявил хозяин.

Эрон выслушал это заявление, даже зубами не скрипнув, хотя и помнил, как все утро вытаскивал из волос сено. Нет, он положительно горд собой! Номер Хейстингза хорошо прогрет солнышком, мебель тут крепкая и солидная, а довершали великолепие заботливые служанки. Эрону потребовалось порядочно времени, чтобы избавиться от всех этих женщин, хлопотавших вокруг «его светлости».

Но вот они остались одни. Взяв стул, Эрон присел подле ложа Хейстингза. Слуга лежал недвижимо, облаченный в последнюю приличную ночную сорочку своего хозяина и потерявший, но все еще роскошный бархатный халат, а одеяло было подоткнуто со всех сторон столь безупречно, что напоминало корочку мясного пирога. Пирога, предназначенного для господского стола... Лицо Хейстингза было пергаментно-бледным, если не считать двух ярких лихорадочных пятен, цветущих на щеках.

Эрон легонько потыкал слугу пальцем в грудь:

– Теперь можешь открыть глаза.

Хейстингз хрипло вздохнул и с трудом разлепил веки. Глаза его были воспалены.

– Прах их побери, этих девок, что лезут не в свое дело!

Слова эти не встретили в Эроне сочувствия.

– Ты продолжаешь начатую игру?

– Ну да... – Хейстингз фыркнул и закашлялся. – Хотя совестно молчать... особенно после того, как меня в десятый раз обозвали «светлостью». И так голова гудит, словно котел!

Эрон улыбнулся. Он уверен был в своем дюжеме компаньоне: тот не проговорился бы даже мечась в жару и лихорадке.

– Ты непременно поправишься. Все, что тебе нужно, – это как следует отдохнуть и выспаться. Однако... – Эрон задумчиво покачал головой. – Ну, понимаешь... мне придется продолжать путешествие без тебя.

– Но ведь вы... – Хейстингз попытался приподняться на локтях, но тотчас же зашелся в сильном приступе кашля. Эрон протянул ему кружку с водой и заботливо уложил больного на подушки. – В-вы... вы не можете так вот уехать, – хрипел Хейстингз. – Вот увидите, я тотчас встану на ноги...

Но тут его скрутил очередной приступ кашля.

Эрон отрицательно покачал головой:

– В таком состоянии ты не можешь никуда ехать. Ты и сказать-то ничего толком не можешь, не закашлявшись! До Арбодина осталось не больше дня пути. Ну, если дороги не развезло окончательно. Я съезжу туда и вернусь – ты и опомниться не успеешь.

Хейстингз лишь сверкал глазами, видимо, желая возразить, но не имея для этого сил. Впрочем, хоть Эрон и предоставил камердинеру много свободы, но тот прекрасно понимал, кто из них хозяин, а кто – слуга. И пусть Хейстингз некогда спас господина от верной смерти, зато Эрон спас Хейстингза от жизни за решеткой. Неизвестно, что, по мнению слуги, было лучше...

Нахмурясь и глядя на верхнюю пуговицу сорочки, Хейстингз пожал плечами:

– Я так понимаю, что в один прекрасный день вы меня прикончите, бессердечный господин!

Эрон невесело улыбнулся слуге и похлопал его по плечу:

– А ты – никуда не годный доходяга. – Он встал. – Итак, наслаждайтесь покоем, «лорд Эрон». Я очень скоро вернусь и рассчитаюсь с хозяином... то есть я на это надеюсь. А ты продолжай ломать комедию столько, сколько сможешь. Ну, поправляйся...

– Ну что ж, езжайте тогда, – кивнул Хейстингз. – По правде сказать, рад, что мне не придется мотаться по эдакой чертовой погоде...

– А когда холодный дождь польется мне за шиворот, я буду думать о тебе...

Эрон потянулся к свежей газете, лежавшей на подносе для завтрака. Глаза Хейстингза испуганно расширились:

– О нет, оставьте! Я буду это читать!

Сбитый с толку, Эрон заморгал и уронил газету на одеяло:

– Ты еще и читать умеешь?

Хейстингз фыркнул и приготовился было высказать в ответ нечто едкое, но здоровье вновь подвело его, и он мучительно закашлялся. Этот звук вновь привлек внимание сиделок, которые толпой устремились в комнату. Убедившись, что слуга в хороших руках, Эрон направился было вон, однако Хейстингз хрипло окликнул его.

– Эй ты! – скомандовал Хейстингз хрипло, но вполне убедительно. – Поезжай первым и скажи старому графу Арбодину, чтоб не тревожился! Я поспею... то есть я скоро приеду к нему!

Обернувшись, Эрон отвесил преувеличенно почтительный поклон и дернул себя за чуб:

– Будет исполнено, милорд. Все слово в слово передам!

Он даже ухитрился выскочить в коридор и лишь там, плотно притворив дверь, в голос расхохотался.

Выйдя из покоев «его светлости», Эрон заспешил – нужно было ехать на север, и чем скорее, тем лучше. Хейстингз прохворает еще недели две, а так надолго отложить поездку Эрон никак не мог. Да что там, он не мог расплатиться даже за хлеб с сыром, которым его от души и бесплатно потчевали, почитая слугой его светлости! Единственным выходом сейчас было, оставив Хейстингза, продолжить путешествие в Дербишир, предоставив слуге и далее разыгрывать спектакль. Оставалось также надеяться, что ему удастся восстановить отношения со старым графом, а следовательно, и расплатиться потом по всем счетам...

Словом, как ни крути, Эрону предстояло тащиться по непогоде в грозящей каждую секунду рассыпаться карете «его светлости», надеясь лишь на то, что ворованного зерна хватит лошадам до самого Арбодина...

Занятый своими мыслями, Эрон не сразу заметил, что он в коридоре не один. Прямо к нему двигалась женская фигура. Кажется, это была та самая английская леди, что так поразила его вчера, завладев всецело его вниманием. Подавив внезапное желание рассмотреть ее лицо, Эрон устоял в пол. Вспомнив свою роль, он поклонился проходящей леди и посторонился, чтобы его заляпанные грязью башмаки не замарали невзначай подола ее платья, а еще надвинул шляпу на лоб, скрыв лицо.

Ее вежливое, но прохладное «доброе утро» прозвучало приятно для слуха. И хотя женщины у него (а в особенности леди) значились в списке самых опасных существ на земле, которых стоило всеми силами избегать, Эрон машинально отметил, что в речи ее отсутствовали неприятные суховатые нотки, присущие изысканно образованной англичанке.

«...Что ж. Добро пожаловать домой... Да, он почти что дома».

Последние десять лет он провел в совершенно иных краях – на благоуханных островах, поросших пальмами, где он имел полную свободу вкушать чувственные плотские наслаждения. Однако в этом путешествии не обрел равным счетом ничего, что улучшило бы его характер и помогло заполнить назад все то, что он утратил...

Тем не менее за время путешествия его обоняние весьма обострилось. И сейчас Эрон мог поклясться, что ощутил те самые экзотические ароматы знойных островов. Вдохнув запах, оставшийся в коридоре после ухода леди, Эрон вспомнил непроглядные жаркие ночи, а еще сладкие сочные фрукты, от которых на губах выступали мелкие кристаллики сахара... а еще благоуханные цветы...

Жасмин.

Как... неожиданно. Не роза, не лаванда и даже не сладкая лимонная вербена, а именно жасмин – дьявольски сладкий, искушающий цветок, белый как снег, а еще нежный и влажный на ощупь, словно потаенные лепестки самого женского естества...

Невольно он обернулся, однако леди уже скрылась в одной из комнат, не обратив никакого внимания на слугу, заляпанного грязью, что, впрочем, было вполне естественно.

Да ему и самому давно было пора уходить. Ему предстояло весьма нелегкое путешествие в тряской карете по раскисшим сельским дорогам. Чтобы произвести хорошее впечатление, Эрон приобрел повозку... то есть карету, давным-давно утратившую свое благородное имя. В противном случае пришлось бы трястись на наемных клячах до самых ворот Арбодина. Даже сама мысль о таком заставила Эрона поморщиться. Увы, ему пришлось надеть далеко не самый лучший сюртук: его парадный костюм, отделанный золотыми галунами, отмокал в прачечной при гостинице, а более или менее приличную одежду он приобрел, чтобы переодеться для грядущей встречи с дедом. Эрон от души надеялся не заляпать ее глинистой грязью, столь типичной для здешних дорог.

Без сомнения, чтобы произвести впечатление, карета необходима. А кучера он найдет где-нибудь между «Зеленым Осликом» и имением Арбодина. Ну хоть кого-нибудь, кто согласится обождать с оплатой... и кому придется впору ливрея Хейстингза. Неплохо было бы также, чтобы он умел управлять лошадьми. Положа руку на сердце, Эрон сквозь пальцы

посмотрел бы даже на того, кто не удовлетворял бы третьему условию, лишь бы выполнил первые два!..

Электра вошла в «свою» гостиную, где ее уже поджидал поднос с чаем. После того как все до единой горничные, словно курочки в коричневом оперении, засуетились у двери его светлости, удивительным казалось, что хоть чая-то она дождалась!

Кстати, невзирая на суету, чай был заварен по всем правилам, и к нему прилагались два маленьких кексика, обсыпанные сахарной пудрой. Чайник был еще горяч, и Элли с благодарностью налила себе чашку чая. В ее безупречном плане по привлечению внимания его светлости был существенный изъян: чтобы он осуществился, лорду непременно надо было выйти из своей комнаты...

«Впрочем, внимание слуги его светлости ты привлекла легко!»

Однако Электра отмахнулась от воспоминания о хмуром перепачканном кучере. Ей ни о чем не следовало думать, и уж тем более ни о ком, кроме возжеленной цели. Ничего, она найдет способ представиться лорду Эрону!

Пока Электре пришлось довольствоваться визитом к супруге хозяина гостиницы – с единственной целью разузнать как можно больше. Неожиданным трофеем явилась коллекция «желтых» газетенок, пестревших дырами, словно побитый молью коврик – это бережливая миссис делала вырезки с купонами.

Теперь, вооруженная явно преувеличенными газетными слухами, Электра принялась отделять зерна от плевел.

Свернувшись в импровизированном «троне» подле камина, она разложила на коленях свои трофеи. Накануне состоялся бал у лорда Оруэлла. Увы, утренний листок со сплетнями еще не добрался до «Зеленого Ослика». А Электре так хотелось узнать, кто был на балу лучше всех одет...

Если бы не ее «милейшая» кузина мисс Блисс Уортингтон, Электра сама блистала бы на этом балу! Для стоявшей перед ней задачи – заключить блестящий брачный союз – первым шагом было непременно оказаться замеченной.

Впрочем, Элли прекрасно понимала, что на деле этот бал был плох, душен и скучен. Наверняка бальный зал был весьма скупо освещен, и не одна юная леди пожертвовала подолом дорогого бального платья, оттоптанного неуклюжими ногами кавалера, обутыми в башмаки не по размеру.

Впрочем, даже такой возможностью не стоило пренебрегать: ведь шанс попасться на глаза не слишком старому, не чересчур безобразному и не самому глупому, притом титулованному и состоятельному джентельмену не следовало упускать... Пусть она вполне хороша собой и обладает недурными связями, но на брачном рынке чересчур мало достойных кавалеров и чересчур много молодых охотниц...

Чай Электры мало-помалу остывал, да и в комнате становилось все холоднее – за окном вновь зарядил дождь. Встав, она прикрыла окно, но предательский сквозняк успел подхватить газету и швырнуть на тлеющие в камине угли. Листки затрепетали, и газета открылась на месте, до которого Электра еще не добралась. Колонка объявлений.

«После десятилетнего пребывания в колониях Вест-Индии, весьма благоприятного для его финансового положения, в страну возвращается молодой лорд Эрон Арбогаст, который вскоре станет графом Арбодином. Цель его возвращения – подыскать себе добропорядочную английскую графиню!»

Арбогаст...

Стремительно склонившись, она выхватила из камина листок, который уже начинал тлеть, и потушила его, постучав о каминную доску. Ей не впервой было лезть в огонь голыми руками, спасая что-то ценное. Еще бы, имея пятерых братьев...

Вывод напрашивался сам собой.

«Молодой лорд Эрон Арбогаст...»

Мужчина, находящийся сейчас в соседней комнате: 1) богат; 2) молод; 3) аристократичен и, наконец, 4) явно именно он – наследник старого графа!

Электра перечитывала заметку вновь и вновь, и ею овладевало радостное возбуждение. Арбодин... это ведь где-то на севере страны? Несомненно, это не в Шропшире, в противном случае в семействе Уортингтонов знали бы об этом имении. Электра слышала об этих угодьях лишь краем уха – помнила, что они, кажется, весьма обширны. Прибрать такую недвижимость к рукам – это реальный шанс восстановить репутацию Уортингтонов, давно и прочно запятнанную nepозволительным поведением некоторых из них.

«Его не было в Англии целых десять лет?...»

Стало быть, десять лет он был не в курсе фортелей ее бешеной семейки, сплетни о которой передавались из уст в уста во всех модных салонах. Это еще лучше!

«Говорите, он подыскивает себе добропорядочную английскую графиню?»

В течение последних десяти лет Электра из кожи вон лезла, силясь стать таковой!

Единственное, что теперь требуется, – это провести наедине с лордом Эроном некоторое время, и чтоб никто не мешал.

В комнату вошел Лисандр.

– Блосс нет.

Отвергнув мысль о том, что фраза эта означает «нет в жизни счастья» и характеризует настроение Сандра, Электра сделала вывод, что «великолепная мисс Блосс Уортингтон», вопреки их чаяньям, не прибыла с утренним экипажем. Впрочем, вечером, если верить заверениям хозяина гостиницы, ожидается еще один...

Электра беспечно махнула рукой:

– Эта Блосс вполне может задержаться и до конца недели, если ей так заблагорассудится!

Здесь предстояло проверить нешуточное дело...

Лисандр подошел к окну:

– А покойник отъезжает.

– Что-о? – вскинулась Электра. – Он уезжает? Ты уверен?

Она стремительно подскочила к брату. Имея пятерых братьев, Элли накрепко усвоила, что любую информацию лучше десять раз перепроверить.

Впрочем, Сандр всегда был склонен к немногословной правде. Пальчики Электры вцепились в подоконник.

– Да, карета та же самая... я узнала бы ее из тысячи.

Нет, она не может позволить этому случиться! Лорд Эрон Арбогаст – само совершенство... то есть это именно то, что ей требуется!

Дело остается за малым. Это был даже не внезапно созревший план, а мысль, порожденная отчаянием. Электра решительно повернулась к Сандру:

– Мы не можем позволить ему ускользнуть!

Глава 3

Сандр Уортингтон, да благословят его небеса, даже глазом не моргнул. Просто повернулся и вышел вон из комнаты. Электра знала, что его стараниями лошадь будет оседлана через несколько минут. Она стремглав бросилась в свою спальню, чтобы надеть что-нибудь подходящее для осуществления ее едва оформившегося плана. И вдруг, по какому-то наитию, устремилась вместо этого в покои Сандра.

Стремительно натянув бриджи брата, она затянула ремень на тонкой талии. Сандр все еще был очень худ, поэтому бриджи сели совсем недурно, разве что оказались длинноваты. К своему наряду Элли присовокупила одну из рубашек брата, которую не стала заправлять вовнутрь, чтобы скрыть крутой изгиб бедер и женственные ягодички. Грудь с успехом скрыла жилетка, доверху застегнутая и надежно стянутая пояском на спине. Довершили наряд ее собственные чулки и башмаки для путешествий. Что ж, вполне сносно...

Дело сделано! Переодевание заняло не более семи минут – кажется, Электра поставила маленький личный рекорд. Распахнув дверь, она стремглав бросилась бежать по коридору.

И тотчас налетела на служанку, что несла поднос, прикрытый сверху крышкой.

Ойкнув, мисс Уортингтон отскочила к самой стене, но все равно успела сбить с ног миниатюрную девушку. Поднос взлетел в воздух, а его содержимое забрызгало обеих.

Электра стремительно кинулась поднимать служанку – та, растерявшись, так и сидела на полу.

– Ну-ка, давай поглядим...

Электра наскоро ощупала хрупкую фигурку служанки, ища повреждения, – так она поступила бы с Атти, доведись той упасть. Нет ни порезов, ни серьезных ушибов... Она помогла бедняжке подняться и отряхнула ее юбки.

– Ну вот... ничего страшного не случилось!

Взглянув в лицо темноволосой изящной служаночке, Электра мельком отметила, что перед ней вовсе не ребенок – девушка смотрелась ее ровесницей.

– Ой, извини, пожалуйста! – Элли всплеснула руками. – Прости, это просто привычка. У меня есть младшая сестренка, так вот она только и делает, что падает с деревьев или еще откуда-нибудь!

Не переставая думать об ускользающем «почти-что-графе» и Сандре, ждущем внизу, Электра, опустившись на коленки, быстро собрала упавшую посуду и вновь водрузила ее на поднос.

– Ох нет, мисс! Вы не должны!

Электра фыркнула:

– Послушай, ведь это я все уронила, разве не так?

На подносе между тем воцарился порядок. Да, с нескладного глиняного кувшина для воды кое-где облупилась эмаль, но видно было, что падать ему не привыкать. Блюдо с крышкой, все еще пахнувшее чем-то вкусным, уцелев, водворилось на подносе, а рядом разложены были вполне чистые салфетки. Встав, Электра вручила поднос растерянной служанке:

– Так сойдет?

Девушка сдавленно охнула:

– Сойдет-ет? Мисс, да любая леди на вашем месте отхлестала бы меня по щекам за то, что я забрызгала ее пла... ой... ну, костюм!

В этот самый миг служанка заметила причудливое одеяние собеседницы.

– Если простите мне мою смелость... знаете, вы не слишком похожи на мальчика. Если хотите сойти за юношу, то, возможно, вот что вам нужно... – Девушка изобраила рукой, что надевает шляпу. – Я мигом, мисс!

Электра раскрыла было рот, чтобы возразить, но миниатюрного темноволосого эльфа уже и след простыл. Тогда Элли, чтобы зря времени не терять, лихорадочно принялась закатывать свои мягкие волнистые волосы в тугий пучок.

Когда она уже начала не на шутку беспокоиться, появилась маленькая служаночка, восторженно размахивая в воздухе бесформенным коричневым шерстяным колпаком.

– В здешних местах мальчишки без эдакого за порог не ступают!

– Это то, что нужно! – Выхватив у девушки колпак, Электра нахлобучила его на голову. Всем своим видом она, казалось, говорила: «Не обращайтесь на меня внимания, я просто бедный подросток!»

Электра сердечно улыбнулась:

– Спасибо тебе!

– Да не за что! – Служаночка заморгала. – А теперь... мне надо бежать!

Электра подозрительно прищурилась:

– А разве тебе не любопытно, зачем это мне понадобилось сойти за мальчика?

Служанка вновь озадаченно захлопала ресницами:

– Нет, мисс, ничуть! Потому что я знаю ответ. Ведь быть мальчиком – оно много легче, чем девочкой... ну, и куда безопаснее...

Электра тотчас посерьезнела. Ну ладно, она – под защитой мужчин, отца и братьев, которые, не колеблясь, отдадут за нее жизнь. А что за жизнь у этого маленького беззащитного создания? Малышка ведь так миниатюрна, что ее и ежик может обидеть, не говоря уже о мужчине, задумавшем дурное...

Повинуясь внезапному порыву, Электра сунула руку в карман жилета, выгребла оттуда полную горсть монет и сунула их в ладошку служанки.

– О нет, мисс... я не могу этого взять! Тут ведь так много...

Этой «внушительной суммы» Электре хватило бы на пару лент да еще на коробочку леденцов для Атти.

– Бери-бери! И скажи, как тебя звать?

– Меня звать Эдит, мисс...

– Эдит, возьми денежки. И побереги... ну, на Тот Самый День.

Электра не знала женщины, что не грезила бы о Том Самом Дне...

Эдит растерянно поглядела на монетки.

– Ну да, – задумчиво произнесла она. – На Тот Самый День...

– Ну а теперь мне пора бежать. Прощай, Эдит!

И Электра вприпрыжку припустила по лестнице – будущее всей ее семьи вот-вот грозило ускользнуть!

Эдит задумчиво глядела вслед загадочной красавице, пока топот ее башмаков не стих в отдалении.

Подумать только, эдакая леди ползала на коленках, собирая содержимое подноса!

Эдит приходилось прислуживать многим аристократам в гостинице «Зеленый Ослик» – это был единственный приличный постоялый двор на много миль вокруг. И ни единого раза ни одна леди не заговорила с ней по-человечески – они только и делали, что приказывали...

Но теперь здесь его светлость...

Лорд Эрон Арбогаст оказался на редкость хорош собой. Рослый и могучий, темноволосый, к тому же с яркими синими глазами заправского сорвиголовы. Именно этим эпитетом награждала матушка Эдит подобных типов. Сорвиголовами она именovala мужчин, которые рискуют так же естественно, как дышат: рискуют деньгами, своими женщинами, собственной жизнью...

Прежде Эдит никогда не приходилось встречать сорвиголову-аристократа. И теперь она гадала: неужели все благородные мужчины таковы? Может, оно и так. Ведь им есть что терять... и при этом они не пропадут.

Нет, положительно ей, Эдит, лучше их сторониться. Пределом мечтаний девушки ее круга было встретить добропорядочного парня с фермы, родить ему таких же фермерских мальчишек... ну, может, еще умненькую доченьку, чтобы передать той свое Знание. Увы, до сих пор ей так и не довелось повстречать подобного парня, по крайней мере такого, за которого стоило бы выйти.

А вот его светлость, яснее ясного, очень нуждается в крепкой женской руке. Эдит успела толком пообщаться лишь с двумя высокородными леди, которых неведомо каким ветром занесло в «Зеленого Ослика». Впрочем, эти великолепные златовласки пробыли здесь недолго и вскоре устремились неизвестно куда.

В общем, если все благородные леди таковы, как эта парочка, – яркие, блестящие и самовлюбленные, то Эдит трудно было представить себе, как удалось бы подобной дамочке направить его светлость на путь истинный...

Хотя, если леди таковы, как описывают их в романах, – кисейные барышни, что лишаются чувств при первом удобном случае, то в руках у такой леди исправиться у его светлости нет ни единого, даже призрачного шанса! Ах, как это было бы досадно... потому что за маской сорвиголовы Эдит ясно видела черты доброго человека. Которому, возможно, просто недостает тепла домашнего очага и уютной постели, согретой любящей женой...

А вообще-то сорвиголова – это, возможно, человек, просто еще не нашедший собственного дома.

Все прочие гостиничные служанки роились вокруг больного, всячески сражаясь между собой за его внимание – правда, Эдит не понимала, зачем им это нужно. Ведь у такого кавалера вряд ли благородные намерения относительно простой служанки! Она знала, что кое-кто из горничных не прочь покувыркаться со случайным гостем и потом получить какую-нибудь безделушку за труды, но для Эдит подобное было совершенно невыносимо.

Пусть она всего-навсего горничная, но у нее есть гордость! И пусть у нее почти ничего больше нет, зато она затейница и рукодельница, умеет читать и даже немного писать, а еще владеет тайными умениями, которые передала ей мать. А матушка в их деревне слыла уважаемой женщиной. В ее дверь то и дело стучались с просьбами кого-нибудь исцелить, предлагая взамен деньги и даже последнюю в хозяйстве курочку. Однако матушка брала лишь пару монет – чтоб хватило расплатиться с мясником, – а остальное отдавала назад. Целительство было ее призванием, ее святым долгом – и женщина считала грехом продавать отчаявшимся свой дар, полученный свыше...

Но когда матушка скончалась от тяжелой хворобы, которую Эдит исцелить оказалась не в силах, осиротевшая дочь не смогла оставаться более в родной деревне. Отважная девушка решила отправиться в Лондон, где у нее, если верить семейной легенде, были какие-то родственники.

К сожалению, средств на путешествие практически не было, и Эдит вынужденно задержалась в «Зеленом Ослике», надеясь со временем заработать на дорогу. Так и убирались она за постояльцами, и, не вешая носа, оставалась честной и добродетельной. О своих дарованиях целительницы она благоразумно не распространялась: в этих краях сильны были суеверия и предрассудки. Матушка успела ее предостеречь: «Порой люди не понимают таких, как мы, и чуть что винят нас в недороде или падеже скота. Будь осторожна! Оставайся скромной, молчаливой и храни наше Знание до тех самых пор, пока оно позарез тебе не понадобится». Так и хранила Эдит свои умения в тайне – поскольку не хотела, чтобы ее сочли ведьмой и при первом же неурожае обвинили в ворожбе. Нет уж!..

Эдит понимала, что его светлость нуждается в ней. Все остальные полагали, что он вскоре оправится от простуды, однако она замечала больше, чем другие. Она слышала тихое посвистывание в легких, видела лихорадочный блеск его глаз и дрожь в руках. Над изголовьем его светлости склонилась Ее Величество Пневмония, готовая заключить его в свои смертельные объятия...

И Эдит исполнилась решимости ей помешать. Перехватив поднос и высвободив одну руку, она достала из кармашка маленький кувшинчик со своей особой мазью. Затем робко постучалась в дверь покоев его светлости.

Утро у лорда Эрона Арбогаста выдалось нелегкое – совсем как в пору его бесшабашной юности. Десять лет добропорядочной жизни не смогли вытравить из памяти ни сухости во рту, ни жестокой головной боли и стука в висках, ни воспаленных глаз, в которые словно песку насыпали. Стараясь не шевелиться, он ждал, когда же накатит тошнота – верная спутница жестокого похмелья. Он же выпил...

Ни грамма он не выпил. Ничего. Ни капли бренди, ни глотка виски!

Более того, он находился явно не в своей постели. Даже не на сеновале. Нет, он сидел на стуле и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Не открывая глаз и не издавая ни звука, он осторожно напряг мышцы рук и ног. Что-то сковывало его. Веревки?

Стараясь дышать неторопливо и размеренно, он осторожно втянул ноздрями воздух. Пахло дымом – к тому же горела явно древесина, а не уголь. А еще пахло свечным воском. Он нахмурился, сосредоточиваясь... и явственно уловил запахи природы... а еще дождя. Повеяло ветерком... Но почему у него нет ощущения, что он под открытым небом? Отчего пахнет заплесневелой мебелью... мокрой штукатуркой... жасмином?...

Жасмином? Нет, этого быть не может! Ведь не перенесся же он по волшебству на плантации острова Андрос? Ведь он в Англии – дождливой, добропорядочной, туманной Англии! Он дома!

– О, ради всего святого, откройте глаза!

Заслышав мелодичный женский голос, Эрон изумленно распахнул глаза. И... увидел один-единственный огонек. Поморгав и подождав, пока глаза привыкнут к темноте, он различил прямо перед собой чей-то смутный силуэт.

Видение... Существо сияющей красоты. Вернее, женщина в золотом расцвете своей красоты.

Богиня!

Он поморгал. В руках богиня сжимала пистолет. Вернее, целилась в него из пистолета. Разве богини стреляют из пистолетов?...

А небесное, однако вооруженное, создание, изящно восседавшее прямо перед ним на каком-то ящике, всплеснуло руками.

– Наконец-то! По правде говоря, глядя, как вы принимаетесь, словно гончий пес, я и сама едва не расчихалась! – Брови ее взлетели. – Ну и как, удалось вам угадать, где вы находитесь?

Эрон неохотно оторвался от созерцания ее прекрасного лица – а девушка поистине была изумительна – и огляделся.

Тысяча чертей! Лишь благодаря многолетнему навыку сдерживать эмоции он не вскрикнул.

Он сидел в каких-то развалинах. Обвалившиеся стены, покосившиеся дверные проемы... Под ногами – жалкие останки некогда роскошного яркого ковра, теперь грязные и кое-где даже поросшие мхом. Справа от него располагался отменный мраморный камин, в котором потрескивало пламя – и этот камин к тому же обвивала живописная гирлянда плюща... Полная фантасмагория!

Плющ пробрался и сквозь распахнутое окно – впрочем, нет, не распахнутое. В оконном проеме напрочь отсутствовали стекла и даже рамы, и в него задувал ветерок, который он и почувствовал, еще не успев открыть глаза. А еще потрескивание пламени в очаге звучало как-то странно – так, как будто...

Эрон вскинул голову и узрел... бархатное ночное небо. Потолка тут не было вовсе – ну разве что фрагменты обгоревших стропил в дальнем углу...

– Тут был когда-то солярий, – печально произнесла девушка. – Я отлично помню эту солнечную комнатку, она была прелестной... когда-то. – Она запрокинула голову, глядя в темноту. – Теперь мой братец Пол зовет ее «лунарием». Когда на небе полная луна, здесь все выглядит волшебно. Картинка словно из сна...

Тем временем Эрон предпринял попытку высвободиться. Он жаждал свободы! Жаждал сбросить оковы, вырваться из этих леденящих кровь адских руин – и сбежать как можно дальше от этой потерявшей рассудок женщины!..

Электра же задумчиво глядела на пленника. Нет, она вовсе не обезумела. Она понимала, что пути назад нет, и если бы ей вздумалось для осуществления ее планов пленить короля, то и тогда бы она не дрогнула...

Нет. Она не колебалась. Ни в малейшей степени! Когда она думала о своей семье, то понимала, что готова пойти на все, лишь бы спасти своих родных от них же самих...

Правда, способ она избрала весьма рискованный. Ведь она вовсе не знала этого человека!

Впрочем, возможно, так даже лучше...

Он весьма хорош собой. Волосы его куда темней, чем у нее – светло-каштановые... А глаза в пламени свечи казались то синими, то серыми. У него тяжелая мужественная челюсть и впечатляюще широкие плечи. Пожалуй, она не отказалась бы... м-м-м... познакомиться поближе с таким мужчиной – при иных обстоятельствах. Ведь матушка в свое время давала ей читать книги, о существовании которых другие девочки даже не догадывались, – и она знала, какие радости может подарить совокупление с понравившимся мужчиной... ну, пусть чисто теоретически.

Впрочем, в данной ситуации не было смысла узнавать его поближе. В конце концов сейчас совершенно неважно было, нравится он ей или нет. Любовь предназначена для тех, кто может позволить себе подобную роскошь.

А тихий внутренний голосок, твердящий, что она ошибается, трижды ошибается, – о, этот голосок заслуживал увесистого пинка, чтоб летел подальше от развалин имения Уоррингтонов! Она прекрасно знает, что делает. Она всегда знает, что делает!

Не желая тратить драгоценное время на спор с самой собой, Электра встала на ноги и отряхнула юбки... то есть брюки. Н-да, незадача... Следовало бы ей переодеться в нечто более эффектное. Впрочем, у нее и без того достаточно средств для соблазнения мужчины – данных ей от рождения...

Один глубокий вдох. Затем решительный шаг в направлении стула, на котором сидит пленник, глядящий на нее с ужасом. Чтобы успокоить его, Элли лучезарно улыбнулась. Странно, но это не возымело ровным счетом никакого эффекта.

– Милорд, я решила, что ваши поиски наконец завершены.

Пленник отшатнулся и задержался, силясь разорвать путы, да так, что стул под ним затрещал. Электра в недоумении наблюдала за ним. А что такого она сказала?

Сказала, что поиски завершены.

Ах, боже правый! Откуда в ее сознании всплыла эта дешевенькая трескучая фразочка? Словно из какого-нибудь третьесортного романчика! Электра сцепила руки, терпеливо дожидаясь, пока пленник слегка не успокоится. Когда мужчина вновь устремил на нее взгляд, она подбадривающе кивнула, состроила ему глазки и вновь улыбнулась.

– Я хотела лишь сказать, что вы меня наконец-то нашли!

Теперь он смотрел на нее вовсе как на ненормальную. Впрочем, парень просто невеликого ума?...

Электра передернула плечами, чтобы слегка расслабиться, и улыбнулась еще шире. Возможно, имело смысл говорить помедленней. Возможно, аристократы – все поголовно вырожденцы и недоумки.

– Я ваша графиня, – чеканя каждое слово, проговорила она.

Прямо на глазах пленник стремительно бледнел – его загорелая кожа стала вдруг серой. Положительно, она не понимала причины такой его реакции!

Мечтать о блестящем супружестве и похищать потенциального жениха – это явно не одно и то же, однако Электра отказывалась слушаться голоса разума, пусть даже разуму вторил ее собственный внутренний голос.

Лорд Эрон Арбогаст был То самое. Тут все сошлось. Богатый, титулованный, молодой, притом живущий не по соседству. Он ищет себе графиню. А она подыскивает себе графа.

И Электра уверена была, что ей просто надо побыть наедине с ним, чтобы растолковать ему, что к чему.

А вокруг высились стены имения Уортингтонов – ну, по крайней мере того, что от них осталось. И сейчас эти полуразрушенные стены обнимали и поддерживали ее, словно любящие объятья ее семьи.

Этот дом – самое подходящее место для свиданья один на один с его светлостью. Место уединенное, и его криков о помощи никто не услышит – к тому же никто не подслушает их интимной беседы.

«Это безумие. Ну да. А что еще остается делать? Как еще прибраться к рукам нужного мужчину? Ты слишком много времени провела в обществе братьев».

Электра понимала, что разум в данном случае совершенно прав. Но он явно опоздал со своими заключениями! Наверное, слишком долго молчал. И вот теперь она здесь, в том самом имении, которое намеревается спасти, и с нею плененная титулованная жертва – то есть ее будущий супруг!

Нервы Электры потихоньку начинали сдавать. Еще был шанс отступить. Еще можно освободить его и покинуть здесь, на обочине дороги, чтобы он в жизни не догадался о том, кто именно его похитил!

В это мгновение облака ненадолго рассеялись – и свет полной луны озарил имение Уортингтон. Сейчас, словно по волшебству, усадьба преобразилась – она вновь была прекрасна и величественна, как и подобает родовому гнезду славного семейства.

«Я вновь хочу оказаться дома. Я хочу, чтобы все мы могли вернуться к себе домой! И ради этого я пойду на все!»

Электра выпрямилась. Решимость вновь овладела ею, кровь быстрее заструилась по жилам. Та самая решимость, что заставила ее трястись на жестком седле позади брата. Та самая решимость, что заставила украсть человека с обочины, словно какую-нибудь тыкву с чужого поля! Все, что она сделала, и все, что еще сделает, – все преследует одну-единственную цель!

Уортингтоны будут спасены!

А средства для этого – в ее распоряжении. Перед нею сидит его светлость. И если он не пожелает внять голосу разума – что ж, ей вновь придется взять дело в свои руки.

Шагнув вперед, Электра уселась на колени к мужчине, словно в седло. И снова брюки оказались как нельзя кстати. Потом коснулась ладонями его поросших щетиной щек, закрыла глаза, чтобы не видеть его потрясенного лица...

...и поцеловала его.

Глава 4

Когда губы сумасшедшей коснулись его рта, Эрон окаменел. Проклятье, какие мягкие у нее губы! А на вкус – точь-в-точь вишня... Нежные ладошки касались его щек, а потом тонкие пальчики, робко скользнув, запутались в его волосах...

«Мягкая... сладкая... нежная...»

Казалось, черт подери, что это длилось целую вечность!

Из его груди помимо воли вырвался вздох, и губы Эрона разомкнулись. В ответ губки соблазнительницы проделали то же. Кончик розового язычка пробежал по губам, увлажняя их... затем проделал то же самое с его губами. Казалось, он понравился ей на вкус: язычок ее не думал останавливаться, проникая уже меж его ждущих губ. Сладкий, смелый маленький язычок...

Опьянев от этой сладости, Эрон втянул этот язычок в свой рот и принялся ласкать его своим языком. Затем проник языком в ее нежный ротик, наслаждаясь вкусом вишни и нежным жаром, исходящим из ее рта. Краешком затуманенного сознания он понимал, что девушка совсем не умеет целоваться. Что она даже не осознает, сколь порочно соприкосновение открытых ртов и... «О боже правый, как же сладки ее губы!...»

Подавшись вперед, насколько позволяли путы, Эрон приник к ее рту жадным поцелуем. Ответом ему был ее приглушенный всхлип, эхом отдавшийся в его паху, отчего голос здравого смысла тотчас смолк. А пальчики девушки уже касались его затылка, они запутались в его волосах, и все ее тело прильнуло к нему.

Обезумевшие языки, переплетаясь в поцелуе, затеяли бешеную пляску. Мягкие полные груди скользили по его мускулистой груди, маленькие ручки неустанно ласкали его волосы... Боже, если бы не путы на руках и ногах...

Путы?...

Так он похищен!..

Голос здравого смысла вновь зазвучал в полную силу, безжалостно гася пламя, разгоревшееся было от этого жаркого и неумелого лобзания.

Эрон резко отстранился от девушки – так резко, что между пальцами у нее осталось несколько его волосинок.

Ее разбурявшееся личико, ее изумленные глаза – черт подери, она прехорошенькая! – были в каких-нибудь дюймах от его лица.

– Что случилось? – Девушка нахмурилась. – Ах да, я неподобающе одета! Знаю, что выгляжу сейчас не самым лучшим образом, но поверьте, это весьма легко исправимо! Я никогда не опозорю ни вас, ни ваше имя!

Эрон горячо порадовался тому, что не видит ее во всей возможной красе. Этого он мог бы не пережить. С усилием подавив вполне естественную мужскую реакцию на близость прелестной женщины, он яростно сверкнул на нее глазами. Так она назвала себя его графиней? Стало быть, намерена соблазнить его, чтобы получить титул... или того хуже. Что же она за существо, если столь хладнокровно подстроила собственное падение?

Боже милостивый! Он погиб. Погиб безвозвратно...

Погибло все, что он кропотливо выстраивал в течение последних десяти лет. Дед никогда не сделает его своим наследником, если посчитает способным соблазнить юную леди! Особенно после всего того, что произошло прежде!..

Будь проклята его несчастливая звезда! Как могло такое случиться? Он ехал в полнейшем одиночестве, думая о своем и никого не трогая. Он уже чувствовал себя наконец-то человеком с будущим, перед ним открывались потрясающие возможности... И тут эта

невесть откуда взявшаяся маленькая маньячка одним легким движением изящной ручонки разрушила всю его жизнь!

Впрочем, не все еще потеряно. Пока он еще ни слова не проронил. Отлично. Теперь ей придется внимательно его выслушать. Очень внимательно! И, глядя прямо в ее сверкающие зелено-синие глаза, Эрон улыбнулся ей самой ослепительной улыбкой из арсенала Хейстингза.

– Попытка была хороша, душка – однако вот загвоздка: я вовсе не его светлость! Так что ты, выходит, села своей маленькой озорной попкой не на те коленки!

– Ха! – Электра воинственно скрестила на груди руки. – Недурной выстрел, лорд Эрон – однако слуги никогда не путешествуют в карете! Они едут верхом рядом!

Пленник вновь попытался высвободиться из оков.

– Еще как путешествуют – особенно ежели хозяин хвор и слаб, а неотложное сообщение позарез надобно куда следует доставить!

Электра внимательно изучала свою добычу. Тогда, из окна гостиницы, занедуживший лорд показался ей долговязым и худым. Этот был сложен примерно так же, однако был, кажется, куда шире в плечах, чем тот, больной...

Впрочем, ее мог тогда сбить с толку сюртук, казавшийся великоватым.

И все-таки человек, который был так слаб, что не мог своими ногами переступить порога гостиницы, вряд ли мог с такой силой рваться из оков. Веревки трещали, а старый стул вот-вот готов был развалиться! Впрочем, за прочность завязанных ею узлов Электра не тревожилась – за долгие годы она овладела наукой связывать своих братьев. Порой это было единственным способом стяжать себе полчаса покоя...

Ах, если б ей тогда представилась возможность хоть глазком взглянуть на того, кто лежал на носилках! Какой нелепой теперь казалась ей тогдашняя боязнь показаться чересчур любопытной! Вот и получается, что она чересчур скромна, чтобы высунуть носик из своих покоев, однако при этом запросто похитила человека, угрожая ему оружием!

Глаза ее сузились:

– Я хорошо тебя разглядела, когда носилки выносили из повозки!

Красавец издевательски осклабился:

– Да разве ж я похож на полутруп, который вчера пришлось на руках выносить? Кстати, тебя я вчера тоже приметил – в окошке, наверху. Ты глазела из окошка на двор – и меня видела!

Его серые... нет, все-таки синие глаза издевательски поблескивали.

Сердце Электры сжалось и подпрыгнуло – она вспомнила темную фигуру кучера под дождем. И то, как смело он ее разглядывал.

И то, что она тогда ощутила...

Электра вздернула подбородок. Нет, этого не может быть. Стоит взглянуть на него! Он хорош собой, строен и... в общем, чересчур хорош собой!

«Ты не хочешь, чтобы это оказалось правдой. Не хочешь, чтобы этот красавец оказался простым слугой. Ты не хочешь, чтобы вы с ним оказались неровней!»

Эта простая мысль поразила ее настолько, что она испугалась, уж не правду ли он говорит. Не говоря уже о том, что твердил занудный внутренний голос...

...который в большинстве случаев бывает прав!

«Эй, заткнись сейчас же!»

...Его сюртук. Она цеплялась за мысль о сюртуке, как за соломинку. Наряд был добретен, пусть слегка поношен – такой вполне мог принадлежать джентльмену, попавшему в стесненные обстоятельства.

Одна загвоздка: лорд Эрон Арбогаст богат, если верить газетенке.

Впрочем, подобный сюртук вполне мог принадлежать и слуге, которому время от времени перепадает одежда с хозяйского плеча. Уортингтоны никогда не позволяли себе отдавать поношенное платье прислуге, потому что всегда подрастал очередной Уортингтон, которому оно доставалось по наследству – однако Электре было известно, что многие аристократы одаривают слуг таким образом.

– Сколько можно долдонить тебе, бешеная ты лунатичка, – я не его светлость!

Электра с трудом сглотнула. О всеблагие небеса! Не могла же она так ошибиться? Неужели ее вожденная, титулованная и состоятельная светлость лежит сейчас, кашляя и потая, в «Зеленом Ослике», и лоб ему оттирают грубые руки какой-то смазливенькой служанки, а вовсе не ее собственные? Неужели она пошла на безумное, отчаянное преступление и поставила на кон все свое будущее, похитив простого камердинера?...

Ей вдруг стало трудно дышать.

«...Что я натворила?»

Элли без сил опустилась на сундук, где сидела прежде, и спрятала в ладонях пылающее лицо, по-прежнему сжимая в пальцах пистолет. «Вот и выходит, что я – всего лишь очередная безумица из рода Уортингтонов...»

Вдох. Выдох. Наконец она подняла голову и вновь взглянула на связанного мужчину.

– Хорошо, – устало произнесла она. – Поганая ситуация, не так ли?

Мгновение помолчав, пленник коротко хохотнул:

– Согласен. И это мягко сказано.

Теперь он просто смотрел на нее, оставив всякие попытки высвободиться – словно понимая, что она начинает ему верить.

Электра встала и отложила бесполезный пистолет. Пленник проследил за ним взглядом. А она размяла пальцы, затекшие от непривычной тяжести.

– Не бойся. Я не стану его разряжать...

Пленник одарил ее взглядом, полным подозрения:

– Тем паче что он даже и не заряжен, ага?

– Разумеется, заряжен! – заморгала Электра. – Сам посуди, отважится ли кто-нибудь разыгрывать разбойника с большой дороги с незаряженным пистолетом в руках!

И, качая головой, она наклонилась, чтобы развязать веревки на ногах пленника. Узлы, как и обычно, вышли отменные...

Связанный хранил молчание, и Электра взглянула ему в лицо. Она увидела совсем близко его глаза, наполненные искренним ужасом.

– И ты все это время тыкала в меня заряженной пукалкой, что ли? А если бы ты задремала с оружием в руках, целя в меня?

Электра одарила пленника одной из самых ослепительных своих улыбок:

– Ну, полагаю, ты разбудил бы меня!

Брови мужчины взлетели:

– Ага! Тебя пробудил бы мой предсмертный крик! Ну ты и полоумная...

– Послушай, прекрати дергаться. Ты так затянул узлы, что мне не под силу их теперь развязать...

– Так разрежь к чертовой матери веревки!

Элли нахмурилась:

– Но ведь тут яровов десять отменной крепкой веревки! Которая, к тому же, является собственностью гостиницы «Зеленый Ослик». Мне не хотелось бы ее портить, уж прости великодушно. – Она уперла руки в бока. – Кстати, я совсем забыла прихватить с собой нож.

– Да ты... ты...

Лицо ее жертвы приобрело угрожающий красный цвет, затем сделалось насыщенно-пурпурным...

Эрон был вне себя от ярости. С момента его возвращения в Англию минуло едва ли более суток – и пожалуйста, он вновь по уши в очередном скандале!..

К тому же именно в Шропшире, черт подери! В захолустном, тихом, буколическом Шропшире он ухитрился нарваться на единственную сумасшедшую в целом графстве! Умалишенную, чей неосторожный поступок грозит перечеркнуть все годы, потраченные на убеждение деда, что он стал другим! Нет уж, ему совершенно не нужно, чтобы своевольная красotka смешала с грязью его, а заодно и свою собственную репутацию!

Какое-то мгновение он колебался, готовый высказать ей все начистоту. Очень уж ему не терпелось увидеть выражение ее личика, когда эта сумасшедшая поймет, что не оставила себе выбора, кроме как брак с отверженным, у которого, ко всему прочему, ни гроша за душой... и все это благодаря ее усилиям!

Впрочем, возможно, титул графини, пусть даже отверженной обществом, привлекает ее? Нет, положительно, она безумна. К тому же он ощутил, что веревки, стягивающие его запястья, ослабли...

И гнев обуял Эрона. Не думая ни о чем, желая лишь излить свою ярость, он рывком высвободил руки и сгреб девушку за плечи. Приблизив свое лицо к ее побледневшему личику, он...

Он снова поцеловал ее. Снова. И всерьез.

«...Ну-ка поглядим, как ей понравится, когда ее целуют против ее воли!»

Впрочем, на поверку оказалось, что это ей нравится – оказав недолгое сопротивление, девушка разомкнула губки, а тонкие руки ее обхватили его за шею. И вновь она очутилась у него на коленях – так, словно эти колени были самым богом для нее предназначены! И прильнула к нему всем телом...

Ощувив сладкую тяжесть ее тела, льнущего к его паху, не говоря уже о нежной груди, вновь коснувшейся его тела, Эрон потерял нить своей мысли. О чем он только что подумал? А-а-а, вспомнил! Нет, он не станет убивать похитительницу – потому что она женщина, потому что она слабее его, потому что в Англии убийство женщин беспощадно карается, а еще потому... потому что она так хороша!

Нет. Сейчас ему ни в коем случае нельзя отвлекаться. Ибо это подобно смерти.

Лучше воспринять это неожиданное изменение его планов как очередной повод осознать, сколь важна его миссия. Ему как можно скорее нужно увидеться с дедом. И если он упустит последний шанс реабилитироваться в глазах старика, то... он этого не переживет!

И плевать, насколько обворожительна, сладка и привлекательна его похитительница, – он будет считать ее всего лишь досадной помехой в его планах, не более!

Он думал так ровно до того момента, пока она не ответила на его поцелуй.

...Рот ее был так мягок, а губы так теплы... Ничего столь теплого и мягкого не выпадало на его долю за последние десять лет. Он просто не позволял себе ничего подобного, тщательно избегая любых искушений – так долго, что, кажется, позабыл, что делает обычно мужчина, когда к нему льнет нежное женское тело. Впрочем, напрягшееся естество, как обнаружилось, ни о чем не позабыло. Да и хозяин его внезапно все вспомнил...

А девушка, обвив тонкими руками его шею, целовала его неумело и страстно. Некая часть бодрствующего сознания предупреждала его об опасности. Однако прочие части его естества плевать хотели на эти предупреждения – в особенности тот орган, что прижимался сейчас к крутому изгибу ее бедра, и этот орган делался все тверже и тверже... Однако отстраниться Эрон не мог, даже если бы захотел, – потому что по-прежнему был крепко привязан к стулу. Он все еще был в западне. Он – жертва. Потому в том, что происходит сейчас, нет ни грамма его вины!

Поэтому он ответил на ее поцелуй – не менее страстно, чем она целовала его.

И поцелуй этот вдруг превратился в нечто иное – между ними вдруг забушевало невидимое обжигающе-белое пламя. Губы не просто прижимались к губам, тело не просто льнуло к телу. Эрон ощутил неслышимый удар колокола – ничего подобного с ним в жизни не происходило. Этот колокольный звон заставил вострепетать все его существо, и этот трепет передался ей – таинственный, мощный серебряный звон, проникающий не столько в уши, сколько в души...

...К чертям его миссию! К чертям деда! К чертям все, что отлучит его от нее, все, что помешает ему испить из этого колодца... все, что помешает ему проникнуть в эту текучую мягкость, в это нежное, трепещущее, горящее желанием тело...

«...тело девственницы».

А это было яснее ясного – судя по тому, как она целовала его. Какой бы искушенной и опытной похитительницей она ни казалась, но... девушка эта была невинна, словно только что вылупившийся цыпленок!

«Черт подери!»

Видимо, почувствовав, что он прервал поцелуй, девушка прижалась к нему еще тесней и доверчиво приоткрыла губки – в точности так, как это проделал он несколько мгновений назад. Теперь она на вкус была словно мед... от нее отчетливо пахло женщиной и теми обжигающими мгновениями экстаза, что сулила ее близость, – теми мгновеньями, которых он не забудет до гробовой доски... Вот только этому сладкому безумию не дано осуществиться. Нет, этого не случится никогда!

«Черт подери!»

Собрав в кулак всю свою силу воли – подобного усилия над собой он никогда прежде не совершал, – Эрон оторвался от ее губ. Ловя ртом воздух, он прильнул щекой к спинке стула и прикрыл глаза. Нет, он не овладеет этой девушкой. Нет, он не возьмет того, что она...

И вдруг ощутил, как горячие губы ее касаются его уха. Ее теплое дыхание согревало самые потаенные, самые чувствительные местечки... О господи, да она не знает пощады!

– Остановись! – Эрон намеревался произнести это властно, однако из груди его вырвался полустон-полумольба. – Прошу тебя... остановись!

...Господи, он уже молит о пощаде! Поистине дело принимает скверный оборот.

Девушка пошевелилась, отстранилась – и Эрону тотчас стало холодно и одиноко. Удостоверившись, что угроза миновала, он отважился открыть глаза и взглянуть на похитительницу. Она по-прежнему сидела у него на коленях и, похоже, ей было весьма удобно. Руки она скрестила на роскошной упругой груди, а между безупречными ее бровями залегла изумленная складочка.

– Да ладно, ты же сама все это затеяла!

От выражения легкой досады на ее личике у Эрона отнялся язык. Подумать только, она выглядела так, будто занозила пальчик, тогда как его самого будто бы переехала тяжело нагруженная телега!

Ее, казалось, вовсе не терзало чувство вины! Напротив, вид у нее был такой, словно сейчас ровным счетом ничего не произошло!

«Я должен был это предвидеть. Да что там, я это предвидел!»

Впрочем, ему следовало быть в ярости. Эта молодая женщина – самый страшный его кошмар, она – угроза, нависшая над всеми его надеждами и чаяньями! Душа его не желала иметь ничего общего с ее душой.

Нет, тысяча чертей, не желала!

И Эрон стал искать способ сменить тему – хотя бы для того, чтобы заставить эту девицу слезть с него... Ну и что с того, что он накрепко привязан к стулу – все равно он изнывает от желания!.. Со стоном Эрон распрямил затекшие руки и принялся потирать запястья.

– Черт возьми!

– Дай-ка я посмотрю... – Прохладные пальчики пробежали по ссадинам на его коже. – О-о-о, погляди, что ты натворил, глупец!

Не веря своим ушам, Эрон вытаращился:

– Что... я натворил?

Наконец, благодарение Господу, она спрыгнула с его колен и направилась к маленькому ведерку, полному воды. Кажется, это ведерко он видел в своей карете. Вынув из-за корсажа платочек и намочив в воде, она вернулась к нему и принялась обрабатывать его ссадины.

Эрон зашипел от боли, причиняемой ссадинам, – а еще от боли в пальцах, к которым мало-помалу возвращалась чувствительность.

– Ну-ну, не веди себя как ребенок! Тебе не было бы больно, если бы ты так яростно не вырывался! Ведь я связала тебя совсем легонько, чтоб ничем тебе не повредить!

– Ты прям точно это знаешь, а? Стало быть, ты только и делаешь, что связываешь мужиков?

– Раз в неделю, – рассеянно отвечала девушка, продолжая со знанием дела промывать ссадины. – Ведь у меня пятеро братьев... так что считай сам.

Встав, она вернулась к ведерку, сполоснула платок и выплеснула воду в окно. Эрон вяло удивился, почему она попросту не вылила воду на разбитый изуродованный пол.

Но девушка уже вновь была рядом – закатав его рукава, она принялась осматривать ссадины на бицепсах, которые он заработал в неравной борьбе с веревочными узами.

– Братя, говоришь...

Теперь, когда кровь вновь понемногу начала снабжать мозг, он припомнил темно-лосого парня, ворвавшегося в карету. Борьба была яростной, но, увы, недолгой – Эрон не вовремя отвлекся на созерцание ягодиц удирающего возницы, стремительно исчезающей в сгущающихся сумерках.

– Стало быть, это кто-то из них меня на обочину выкинул? Слушай, ощущение такое, словно меня в лоб лошадь лягнула!

Девушка настороженно посмотрела на него:

– Не вини его... Я не должна была втягивать его в это дело. Он... ну, с ним не все в порядке, еще с войны. Я должна была понимать... – Губы ее плотно сжались. – Во всем виновата только я, ясно тебе? Поклянись, что никогда не обвинишь его ни в чем, или... или я никогда не освобожу тебя!

Поскольку Эрон вовсе не намеревался кому-либо сообщать о том, что был похищен и взят в плен под дулом пистолета нежной девушкой, которой помогал умалишенный, то выполнить это ее условие ему было легче легкого. Да, он унесет память об этом диком случае с собой в могилу, хотя вряд ли оправится от унижения до гробовой доски. Впрочем, кое-какие ее слова насторожили Эрона. Склонив голову, он задумчиво взглянул на девушку:

– А ты-то сама? Ни о чем не попросишь... Ну, для себя?

– О чем ты?

– Ну, не собираешься попросить меня не заявлять в суд о похищении, а?

– Если ты это сделаешь, я не буду на тебя в обиде. Но мне бы этого не хотелось... Моя семья нуждается во мне много больше, нежели я – в наказании. В конце концов вряд ли я впредь решусь на что-то подобное... – Она вздохнула. – Похоже, похититель из меня никудышный...

И она принялась вытирать грязь с его лба, склоняясь все ниже, чтобы разглядеть его лицо в полумгле. Щекой он ощущал жар ее кожи... а от сладкого пряного аромата жасмина, выращенного в тропиках, прибывшего на корабле в Англию и согретого теперь теплом этого нежного тела, голова его пошла кругом. Наверное, она растерла ароматное масло по запястьям и за ушами после того, как приняла ванну...

Закрыв глаза, он представил себе картину: комната, окутанная горячим паром, тихий плеск воды, облака мыльной пены и... она, грациозно выступающая из медной ванны... Кожа ее, цвета безупречной слоновой кости, слегка порозовела... А пламя свечей озаряет ее влажные крутые бедра, ее округлые тяжелые груди, а на розовых напряженных сосках – капельки воды, которые вот-вот...

– Ой!

Глава 5

Эрон поморщился и отвел ее руку с платком от своего лица:

– Ты песком меня отчищаешь, что ли?

Но он благодарен был сейчас за эту боль. «Сосредоточься на боли! И злись, злись на нее! Думай лишь о том, что она сделала, а не о ее волшебном аромате!..»

– Боже мой! Какие же вы, мужчины, в сущности, дети!

Эти ее слова отчего-то взбесили Эрона. Отлично! Это и требовалось!

– Ежели вы не против, мисс, то развязали бы вы мне и ноги, что ли! – Сейчас как нельзя кстати пришлась манера Хейстингза изображать высокомерное презрение к высоко-родным. – Ведь не хотите же вы в самом деле, чтоб я потащил вашего братца к судье?

Девушка снова прикусила губу:

– Да. Разумеется. Это дело всего нескольких минут.

Однако все на деле оказалось совсем не так просто. Связывая его и стремясь сберечь веревку, похитительница столько раз обмотала его, что он походил теперь на поросенка, насаженного на вертел.

В течение следующей четверти часа Эрон вынужден был лицезреть, как обворожительная юная леди ползает вокруг него на коленках, демонстрируя всю свою гибкую фигурку. Боже, она воистину красotka! Возможно, сумасшедшая. И явно представляющая для него опасность. Однако никакая обида не могла заставить его закрыть глаза на то, что девушка восхитительна!

В другой ситуации он устыдился бы своих похотливых настроений, но ведь его подкараулили, нокаутировали, похитили и повязали по рукам и ногам! Эта полоумная барышня явно не заслуживала джентльменского отношения.

Поэтому он беззастенчиво наслаждался, глядя, как девушка, лежа навзничь на полу, заползла под стул и потянулась к тугим узлам. Скрамнейшая комбинация рубашки и жилета не в силах была сдержать напора роскошной нежно-кремовой груди, которая колыхалась в такт движениям девушки. Эрон затаил дыхание – казалось, вот-вот розовые соски вырвутся на волю из своего заточения... Этого так и не произошло, но само предвкушение доставило ему массу удовольствия.

Он весьма приятно проводил время.

Однако когда девушка, встав подле него на колени и перегнувшись через самый его пах, потянулась к узлам, стягивающим его ноги, ему все же пришлось ее остановить. Потому что от созерцания ее густых спутанных светлых волос у себя на коленях и размеренных движений дивного тела, когда барышня дергала веревки, ход его мыслей приобрел чересчур фривольное направление. А порядочный человек не должен позволять себе подобного даже по отношению к безумной девке, в которой красоты куда более, нежели морали...

Увы, видимо, он слишком долго колебался, вдыхая теплый жасминовый аромат и любуясь роскошными волосами, разметавшимися по его коленям... К тому же дыхание ее согревало и пробуждало к действию определенную часть его естества.

И этот орган словно говорил: «Никто не совершенен. Пусть женщина продолжает в том же духе!»

Все же порядочность одержала верх. Взяв девушку за плечи, Эрон рывком поднял ее. Барышня сопротивлялась, сосредоточенная на своем занятии.

– Да погоди ты! У меня почти получилось!

Она силилась вырваться, однако он держал ее крепко и как можно дальше от своего многострадального паха. Впрочем, это мало помогало, потому что теперь ее стройное

тело очутилось между его раздвинутых колен. Если бы ему пришло на ум их сдвинуть, они сомкнулись бы аккуратно на ее изящной талии...

Но Эрон мужественно преодолел это искушение. Вместо этого он нагло ухмыльнулся прямо в лицо похитительнице.

– Кто учил тебя узлы вязать, а?

– Братья, разумеется!

– Ха! Говенная же ты ученица! – Эрон никогда не употребил бы столь соленого словца в присутствии леди, а вот Хейстингз – запросто. – Нипочем ты их теперь не развяжешь.

Девушка криво улыбнулась:

– Похоже на правду...

Сейчас она была до неприличия хороша. Но Эрон даже не улыбнулся. Какие уж тут улыбки, если он по-прежнему крепко связан. Он испустил страдальческий вздох. Видимо, страдания – его удел, ведь он только и делает, что страдает... Вдруг он взглянул на зияющий оконный проем.

– погоди, а в раме не осталось осколка стекла?

Девушка нахмурилась, размышляя, – и вдруг просияла:

– Здесь – нет. Но в окошке столовой – да, есть!

Легко высвободившись из его рук, она стремительно вскочила. От неожиданности Эрон выпустил ее, и девушка стремглав кинулась вот из комнаты, подхватив с пола фонарь и оставив его в кромешной темноте.

Когда настала тьма, сердце Эрона екнуло. Нет, темноты он не боялся, просто неприятно было ощущать себя связанным, беспомощным и одновременно слепым.

Он ждал, что глаза привыкнут к темноте, и он сможет хоть что-то разглядеть, однако тут было совсем не так, как на берегу моря в тропиках, где даже единственная звездочка тотчас отражалась в воде и освещала песок. Этот мир был не в пример холоднее, дождливее, темнее... Небо было затянуто тучами, сквозь которые не мог пробиться даже слабый лунный свет.

Но вот девушка радостно впорхнула в комнату, размахивая фонарем.

– Ох! – Эрон закрыл ладонями глаза и крепко зажмурился, но было поздно: внезапный свет ослепил его, и какое-то время он не видел ничего, кроме зеленого мерцания.

– Не стоило тебе смотреть на свет, – серьезно объявила барышня. – Это очень вредно для зрения.

– Давай, расскажи еще что-нибудь, – пробормотал он злобно.

Слава богу, что не жалобно... Поистине у него выдался непростой вечер – в плену у этой... этой...

– Как тебя зовут? – строго спросил он и почувствовал, что девушка колеблется, отвечать или нет.

– Ты все-таки решил подать на меня в суд?

– Возможно.

Эрон хотел прибавить: «А возможно, и нет», – но смолчал: дерзкую девчонку следовало примерно наказать.

Не открывая глаз, он услышал ее тяжелый вздох и усилием воли отогнал видение вздымающейся и опускающейся дивной груди.

– Даже если я освобожу тебя? Если сама провожу тебя до твоей кареты? Ведь ты даже не ранен...

– Объясни это моей гудящей башке! Рука у твоего братца тяжелая...

Он почти услышал, как она поежилась и затрепетала. Разумеется, он предпочел бы это увидеть, однако богатое воображение, даже без участия зрения, нарисовало соблазнитель-

ную картину. С ее стороны возмутительно быть такой хорошенькой. Ему куда проще было бы презирать ее, будь она толстой, безобразной и мужеподобной.

Так он ей прямо и сказал. В ответ девушка расхохоталась.

– Братец Орион назвал бы это «ошибочным определением вида» или чем-то в этом роде!

– Если все современные английские леди подобны тебе, то существование нации под угрозой!

Голос ее приблизился, и Эрон понял, что девушка вновь опустилась подле него на колени и теперь пытается перерезать веревки найденным осколком стекла. Эрон приоткрыл веки. Зрение мало-помалу возвращалось к нему. Обоняние же не переставало служить ему ни единого мгновения...

«Девушки, благоухающие подобно этой, вполне способны и на убийство, – подумал он. – А их жертвы, возможно, даже благодарят их за это!»

Как раз в этот миг клубящиеся в небе тучи разразились наконец ливнем. Нет, это был не просто дождь – это был настоящий потоп! С неба низверглись ледяные потоки – казалось, что на них внезапно обрушился всей своей мощью водопад...

Одежда Электры сразу промокла. Она уже готова была стремглав броситься под защиту остатков уцелевшей кровли у южной стены комнаты, но поняла, что у ее пленника нет никакой возможности укрыться. И вместо того чтобы спрятаться, она рванулась к пленнику, чьи ноги все еще были накрепко примотаны к ножкам стула, и раскинула руки над его головой, пытаясь хоть как-то защитить его от дождя.

Затем она вновь попыталась отвязать пленника, но конопляная веревка мгновенно промокла, и узлы наотрез отказывались поддаваться. А дождь хлестал все сильнее, и Электре ничего не оставалось, кроме как, склонившись над мужчиной, защищать его голову и плечи, принимая на себя удар стихии. Ее вымокшие волосы образовали импровизированный плащ, защищающий и его, и ее голову – и они смогли наконец перевести дыхание.

И тут с неба посыпались градины.

Поначалу Эрон вовсе не был против того, что похитительница столь заботливо охраняет его от ледяных струй, – но ровно до тех пор, пока по сгнившему ковру не замолотили градины размером с грецкий орех. Подняв глаза, он увидел, что девушка по-прежнему защищает его, уцепившись за спинку стула, превратившись в живой щит.

Волосы, по которым струилась вода, защищали ее лицо, но по плечам и спине молотил град, и Эрон слышал, как она вскрикивает от особенно сильных ударов.

– Убирайся, дура! Беги в укрытие!

Но девушка не подчинилась, продолжая вздрагивать и сдавленно вскрикивать. Взглянув под ноги, Эрон заметил, что некоторые градины достигали уже размеров персика – некоторые больше походили на снежки и были безопасны, зато другие, ударяясь об пол, подскакивали и откатывались в сторону. Легко было представить себе боль от удара таким снарядом...

Однако ни единая градина в него не попала.

– Беги же, ну!

Однако упрямца и с места не сдвинулась. Эрону ничего другого не оставалось, кроме как, схватив ее за талию, уронить ничком себе на колени и прикрыть собой. Не бог весть какая защита, но все же лучше, чем было. Девушка отчаянно вырывалась, но Эрон, крепко держа ее, проревел ей прямо в ухо:

– Не дергайся!

Сдавшись, она обмякла, но все же, высвободив одну руку, прикрыла ею их головы. Крыша вышла из рук вон никудышная...

Град прекратился внезапно, как это обычно и бывает. Однако казалось, долгие часы градины молотили по их спинам, от каждого удара они вскрикивали... Головы их соприкасались, руки Эрона обнимали тело девушки, а ее рука была распростерта над ними. Дыхание их смешалось, и Эрон слышал каждый ее вскрик и ойканье, словно свои собственные...

Но вот упали последние градины, размером с увесистые еловые шишки, – и небесный артобстрел прекратился окончательно.

Однако они все еще не размыкали объятий, страшась разрушить импровизированное убежище. Электра первой подняла голову.

– Все, – прошептал Эрон. – Все кончилось.

Она лишь кивнула. Похоже было, что холод и дождь вконец ее обессилили. Она медленно соскользнула с его колен и вновь наклонилась, держа в руке осколок стекла, обернутый носовым платком, чтобы сберечь руки. В полной тишине она перепиливала веревки.

И – вот странность – Эрону не доставало прежней стремительной и бесшабашной девушки, что держала его на мушке и разрушила его жизнь. Теперь перед ним была всего лишь усталая до изнеможения молодая женщина, отчаянно нуждавшаяся в сухой одежде и теплой постели. И он чувствовал себя даже немного виноватым в том, что она такой ценой его защитила. Можно подумать, это он сам так неудачно обмотался веревками!..

Путы не устояли против острого осколка – и вот Эрон почувствовал, что свободен. Одной рукой подхватив с пола фонарь, а другой заботливо поддерживая под руку свою похитительницу, он направился туда, где остался его возок и лошади.

Но темная дорога была пустынна, и оба они – и Эрон, и девушка – тщетно искали взглядом хоть что-нибудь.

– Это все лошади, – задумчиво и устало сказал Эрон. – Должно быть, их испугал град, как и нас с тобой. Боюсь, отыскать их в темноте нам не удастся.

– О-о-о!

Нет, она не расплакалась, однако личико ее предательски сморщилось. Куда делся гордый изгиб ее лебединой шеи! Она обмякла, зябко обхватив себя руками за плечи.

Идти им было некуда – только назад, в развалины имения. Огонь в камине, разведенный Электрой, пока Эрон был без сознания, теперь почти потух – отсыревшие угли едва дымились. Впрочем, Эрон смог бы, наверное, раздуть умирающие угольки, если бы сыскалось хоть что-нибудь сухое, чтобы подбросить в камин.

Вместо этого они, обыскав комнаты, обнаружили несколько занавесок, полусгнивших портьер и даже побитую молью подушку. Из всего этого удалось соорудить нечто вроде гнезда в самом защищенном углу руин.

– Тебе лучше лечь со мной рядышком, – сказал Эрон. – Ну, для тепла. Не то в промокшем платье ты еще дуба дашь...

Он ожидал, что леди возмутится и воспротивится, но та покорно свернулась калачиком подле него, прильнула к его боку и натянула на них обоих заплесневелую бархатную портьеру.

Усталость и холод сделали свое дело: вскоре они расслабились и немного согрелись.

– Сама понимаешь, это все твоя вина, – тихо сказал Эрон.

– Как всегда, я кругом виновата, – горестно вздохнула девушка.

Эрон чувствовал, как тело его мало-помалу наливается свинцом. Дрожь окончательно обессилила его. И хотя в последние десять лет он только и делал, что грезил о возвращении в Англию, сейчас он отчаянно затосковал по солнечным благоуханным жарким островам. Ах, сейчас бы на полчаса попасть на побережье Нассау – он бы мгновенно воспрянул духом!

Глаза у Электры слипались, голова отяжелела и наконец опустилась на мощное мокрое плечо мужчины. Она отчаянно зябла в промокшей рубашке, но вскоре чуть отогрелась в тепле его тела и, поворочавшись, устроилась поудобней.

– И все-таки... не следует слугам ездить в хозяйских каретах, – сонно пробормотала она. – А потом еще обвинять людей в том, что тебя приняли за другого...

Теплое плечо, к которому она прижималась щекой, вдруг заходило ходуном – Элли поняла, что мужчина смеется над нею. Что ж, смех – куда лучше, нежели крик и оскорбления... То есть было бы лучше, если бы ее гордость не была так глубоко уязвлена. Впрочем, сейчас уже и гордость ее безмолвствовала. Несомненно, у мистера Хейстингза есть все основания потешаться над нею.

К тому же он такой большой, такой теплый... а она так устала и продрогла...

«Я пахну жасмином...»

Даже после всего этого светопреставления где-то под влажной одеждой у нее притаился аромат жасмина, омытого дождем.

Девушка снова зябко задрожала – и Эрон, почти против воли, обнял ее и притянул к себе, согревая. Он куда крупнее, поэтому тело его лучше хранит тепло. А она... что ж, она в сравнении с ним сущий цыпленок, невзирая на свои впечатляющие округлости.

Нет! Больше никаких английских леди! Даже самые лучшие из них пребывают в святой уверенности, что он обязан их защищать, устранять все последствия их безумств и нести ответственность за все их ошибки...

Но она стояла над ним, защищая от дождя и града своим телом, словно живым щитом...

«Ангел. Дьявол. Что за странная девушка...»

Во сне она еще теснее прильнула к нему, и Эрон опомнился. Нет, это женщина. Взрослая женщина, которой под силу осложнить ему жизнь, если она узнает ненароком, кто он на самом деле такой!

А ведь он уже чувствует себя за нее в ответе... И пусть он оказался здесь один на один с нею против своей воли. Пусть угодил сюда бесчувственный и связанный. Пусть не просил об этом «свидании», глаза б его вовек не видали этой сумасбродки!..

И все же...

Все же многие будут тосковать по ней, если что-нибудь случится. Наверняка не все ее братья безумцы, подобно тому громиле, что так внезапно напал на него в темноте, что Эрон не смог оказать сопротивления. Да, унижительно, кто бы что ни говорил... То, что он был безоружен, а нападение внезапно – слабые отговорки.

Но сейчас он так устал, что даже злиться был не в состоянии. Ведь если бы он сейчас разозлился не на шутку, то должен был бы отшвырнуть от себя наглую девчонку и уйти куда глаза глядят – а бедняжка так продрогла, а он так устал, что...

Генри Хейстингз, бывший карточный игрок и преступник, а ныне волей-неволей ставший камердинером его светлости и взятый им на поруки, в существование рая не верил – подобно большинству ему подобных.

Вот ад – это совсем другое дело. Людям его сорта надлежит заранее с ним познакомиться. Сейчас, борясь с захлестывающими его попеременно волнами жара и ледящего холода и болезненно, словно удары гигантского колокола, отдающимися в голове звуками, Хейстингз чувствовал себя в самом настоящем, первостатейном аду. Он тщетно пытался высвободиться из каких-то хитрых силков, сковывающих его...

– Ш-ш-ш, милорд! Успокойтесь, не то еще больше обессилите!

Он послушно затих. По крайней мере от звука этого голоса не звенело в ушах. Напротив, этот голос, напоминающий тот, что давным-давно пел ему колыбельные песенки, был словно бальзам для его обнаженных нервов. Но голос смолк, и как ни напрягал Хейстингз слух, он не мог вновь его расслышать.

...Как же тягостны его пути! И он вновь бешено забился, силясь высвободить ноги.

– Все хорошо, милорд, успокойтесь!

Кто? Кто это тут «милорд»? Это к нему обращаются таким образом? Он попытался припомнить, отчего это так, и ему это даже почти что удалось... Но накатившая волна жара, сменившаяся ознобом, помешала ему.

...Как холодно. Он попытался зарыться глубже в подушки, силясь согреться и не в силах унять приступ сотрясающей все тело дрожи. Кто-то нежно коснулся его лба – и дрожь мгновенно унялась. Пальцы... теплые, тонкие, нежные – они поглаживают, ласкают...

Затем он ощутил эти пальцы у себя на груди – их прикосновения к обнаженной коже были необычайно нежны. Обнаженной коже? Куда делись сковывающие его путы? Стало быть, теперь он свободен и может выбраться из этого ада?

Но Хейстингз не пошевелился, словно загипнотизированный сладостными круговыми движениями этих пальчиков. Ради этого прикосновения он согласен был еще какое-то время помучиться в аду, где теперь почему-то странно пахло – то ли подгнившими овощами, то ли затхлой водой из заросшего пруда, где к тому же утонула и сдохла коза...

Гаже запаха Хейстингз в жизни не чувствовал – а ведь он без малого год просидел в тюрьме в тропиках, и о том, что такое настоящая вонь, знал не понаслышке. Лишь нежные прикосновения удерживали его от того, чтобы стремглав устремиться прочь от источника невыносимого амбре. И, с трудом терпя испытание, выдавшееся на долю его несчастного носа, он всецело сосредоточился на пальчиках, порхающих по его широкой груди.

...Ручка маленькая. Так это леди? Нет... подушечки этих пальчиков слегка загрубели – кожа его, ставшая вдруг необычайно чувствительной, это ощущает. Эта женщина явно этими руками зарабатывает себе на жизнь. Это сиделка?

Хорошо, если сиделка. Если это так, то он, видимо, еще не в аду... он просто болен. Тут он припомнил, как мок под дождем – чертовски холодным английским дождем, и это после почти двадцати лет житья в жарком климате экзотических островов! Прислушавшись, Хейстингз различил звук: в окошко барабанил все тот же омерзительный ледяной дождь...

Да, это лихорадка. У него лихорадка... и он в Англии.

Вот только он никак не мог вспомнить, как сюда попал.

А сиделка продолжала свои манипуляции: она втирала в его грудь что-то вонючее. Похоже, он мало-помалу согревался, да и дышать вдруг стало полегче. Хейстингз чувствовал, что его вот-вот одолеет живительная дрема, где не будет места видениям преисподней. Лихорадка, холодный английский дождик – и ангельский голос сиделки, а еще ее волнующе-эротичные касания...

Уже проваливаясь в сон, он понадеялся, что этот ангел по невинности своей не заметит его мощнейшего возбуждения...

Глава 6

Открыв глаза, Электра узрела прямо перед собой заляпанную грязью льняную ткань. Она поморгала. Это оказалась мужская сорочка, в распахнутый ворот которой неведомо как проникла ее рука, которая покоилась теперь на теплой обнаженной мужской груди.

Боже праведный и все святые!..

Было утро. Электра взглянула вверх, прямо в розовое с золотом рассветное небо, заменявшее отсутствующую крышу. Она лежала в теплом, но слегка влажном гнездышке, свитом наспех из затхлых занавесок и портьер. Даже сегодня, когда с того памятного пожара минуло почти четырнадцать лет, они все еще хранили запах дыма. А мужчина, который оказался на поверку вовсе не лордом Эроном... кстати, как его зовут? Ах да, Хейстингз. Мистер Хейстингз прижимал ее к себе, обняв обеими руками, одна из которых уютно покоилась на ее талии...

Похоже, что, продрогнув до костей, она сама прильнула к нему и уютно угнездилась, согреваемая его мощным теплым телом. Теперь голова ее лежала у него на плече, одну ногу она согнула в колене и закинула прямо на него... И колено этой ноги покоилось прямо на... О боже правый и все святые!..

Однако мистер Хейстингз во сне был необычайно нежен и предупредителен.

Или сам тоже не прочь был согреться.

Бедняга уступил ей самое сухое и защищенное от непогоды место в «гнездышке» — и она от этого весьма выиграла. Ночью она вполне могла погибнуть от холода, однако сейчас чувствовала себя просто восхитительно.

С величайшей осторожностью она убрала ладошку, вздохнув с облегчением оттого, что грудь мужчины даже не шевельнулась. Затем очень медленно вытащила руку из-под его сорочки. Потом, снова очень осторожно и медленно, убрала ногу, которая лежала на... на... боже, на чем... неужели?...

Стыдливо отведя взгляд, она отстранилась от теплого могучего тела. Для нее невыносима была мысль, что мужчина, проснувшись, застанет ее в своих нежных объятьях... Ах, как было бы неловко! Электра изо всех сил убеждала себя, что кровь кинулась ей в лицо именно от неловкости положения, а вовсе не потому, что мужские руки обнимают ее. Наконец ей удалось откатиться в сторону.

Даже жалко... ах, как ей было удобно! К тому же было тепло, а вчера ночью она такого даже вообразить себе не могла!

Черт подери!

Она провела ночь в объятьях незнакомца.

Но ведь именно таков был план, разве не так?...

Впрочем, лишь с огромной натяжкой можно было назвать планом необдуманное похищение мужчины и намеренно погубленную собственную репутацию. В ее действиях куда больше было бесшабашного безумия, нежели хладнокровно обдуманных действий. Похоже, она и в самом деле плоть от плоти своей безумной семейки...

Не говоря уже о том, что план ее по всем статьям провалился.

Бегло оглядев себя, Электра пришла к выводу, что добродетель ее никоим образом не пострадала. Даже ее рубашка и жилет, пусть влажные, перепачканные и мятые, не были расстегнуты. Так что она дешево отделалась... А этот мистер Хейстингз и не подумал воспользоваться ее слабостью.

Еще бы он посмел!

Слуга, обесчестивший леди, – не жилец на этом свете. В подобных случаях дело редко доходит до суда – виновный просто погибает от некоего трагического несчастного случая, при этом у всех лиц, вовлеченных в скандал, прочнейшие алиби.

Так уж устроен этот мир, и Электру такое положение дел вполне устраивало.

Впрочем, если до ее братьев дойдет, что их сестрица провела ночь в объятьях слуги, пусть даже спасая тем самым свою жизнь, бедняга Хейстингз и до вечера не доживет. А если кому-то, кроме родных, вдруг станет об этом известно – прощай ее репутация!

К своей добродетели Электра относилась без налета излишней сентиментальности. Чем скорей она выйдет замуж и избавится от тягостных запретов, налагаемых обществом на невинную деву, тем лучше. У замужних дам куда больше свобод, нежели у юных леди. Замужние могут ходить за покупками и даже путешествовать в одиночестве. Они могут танцевать на балах с кем угодно, и их озабоченные компаньонки не станут придирчиво оценивать каждого кавалера. Боже правый, да Электра мечтала просто о возможности гулять в парке погожим летним днем!

Но как бы там ни было, пока некто не слишком старый, не слишком безобразный и не самый глупый не надел ей на пальчик венчального колечка, репутация остается ее важнейшим оружием. Никогда ей не заарканить графа или герцога, если на лбу у нее аршинными буквами не будет выведено слово «девственна».

Присев на импровизированном ложе, Электра принялась обдумывать создавшееся положение с позиции семьи Уортингтонов, считавших, что в этой жизни позволительно все, если следовать весьма простому правилу. Оно гласило: «Не попадайся!»

Лишь единственному на всей земле человеку известно, что она натворила. Лисандр не в счет. Он и с нею-то почти не говорит, а с кем-нибудь посторонним и подавно.

Все зависело сейчас от этого человека. Мистер Хейстингз ровным счетом ничего не выиграет, если начнет откровенничать о происшедшем – да что там, для него это просто-напросто опасно!

К тому же ничего особенного не случилось...

«Если не считать сущих пустяков. В смысле, двух поцелуев, которые едва не заставили тебя позабыть обо всем, что ты так кропотливо выстраивала в течение десяти лет!»

Впрочем, Электра готова была простить себе наслаждение своими первыми поцелуями. В конце концов она уверена была, что целует будущего мужа. Как радостно было обнаружить, что он столь стремительно сумел пробудить в ней чувственность!

Однако радоваться долго не пришлось. Ее ждало горчайшее разочарование: похищенный оказался всего-навсего слугой...

«Тогда какого черта ты поцеловала его во второй раз?»

«Нет, это он меня поцеловал!»

«А ты ответила на его поцелуй. И еще как ответила!»

С голосом разума спорить было бессмысленно. К тому же Электра с изумлением констатировала, что в обоих случаях... Ну, разумеются поцелуи – именно мистер Хейстингз, а вовсе не она, вовремя взял себя в руки и пресек дальнейшее развитие событий.

«Вероятно, я сильно подурнела...»

Впрочем, возможно, дело вовсе не в этом. Электра искоса посмотрела на все еще сладко спящего мистера Хейстингза. Влажная ткань брюк отчетливо обрисовывала внушительную выпуклость в его паху...

Электра целомудренно отвела глаза, однако позволила себе ухмыльнуться. У нее по-прежнему есть все, чтобы заставить мужчину потерять голову! А это означает, что мистер Хейстингз – на редкость благовоспитанный и волевой человек.

Это не на шутку встревожило ее. Электре вовсе не нужен был человек, вынужденно ведущий себя пристойно. О нет, лучше бы этот Хейстингз истово берег собственную шкуру

– в этом случае можно быть уверенной, что он и словом не обмолвится о том, что произошло этой ночью...

Электра принялась нервно расхаживать взад-вперед по хлюпающему под ногами ковро. Ей во что бы то ни стало надо придумать план. Пора поработать мозгами, пора думать!

В глаза ей ударил яркий солнечный свет, и Элли, подойдя к окошку, застыла в теплых лучах. Вдруг она увидела эту комнату такой, какой она была прежде, словно и не прошло этих четырнадцати лет...

Солнце заливало комнату, проникая сквозь высокие сводчатые окошки, отражалось в мебельной полировке, а ковер играл и переливался всеми цветами драгоценных камней. Две маленькие светловолосые девочки, хохоча, бегают по комнате, играя в догонялки, пока смеющийся темноволосый мальчик не пугает их, выскочив внезапно из-за роскошного дивана. И малютки, визжа от притворного ужаса, спасаются бегством...

Маленькие Каллиопа, и Электра, и Лисандр тех лет, когда мир был полон сказок и сулил только счастье. Это было не просто иное время. Это был иной мир, иные Уортингтоны... и ничего этого более не существует.

...Никто не знал, как начался пожар. Долгое время Электра подозревала, что виной тому был очередной эксперимент Ориона или же близнецы затеяли что-то жечь в камине. Как бы там ни было, от усадьбы не осталось ничего, кроме стен и осколков шифера, и повсюду все еще оставались привычные предметы обстановки, слишком пострадавшие в пламени, чтобы увозить их с собой... Такие, на которые никакие воры не позарятся.

Дом можно спасти. Настанет один прекрасный день – и Атти будет бегать по этим комнатам. Ведь бедняжка была этого лишена! В один прекрасный день эти стены вновь станут домом для большой дружной семьи, как это и было когда-то.

Электра знала, как вернуть Атти дом. И ей, и им всем. Если она удачно выйдет замуж, все вернется на круги своя.

Стоя у окна, она теребила ленту, висящую у нее на шее. Потянув за нее, она извлекла из-под рубашки ключ. Затейливый и очень красивый стальной ключ от входных дверей усадьбы – ключ от дверей, которых больше нет. Наверное, дверные панели давным-давно сгорели в чьем-то камине в зимнюю стужу...

Но она по-прежнему хранила ключ. Он всегда был с нею. В один прекрасный день дверь вновь появится, и она отомкнет ее этим самым ключом...

Луч солнца упал на лицо Эрона... Пробуждаясь, он ощутил, что впервые за много лет в его теле появился источник тепла.

Нет, не совсем так... тепло излучал – вернее, даже пылал – совершенно определенный орган, не доставлявший хозяину никаких проблем многие годы.

Повинуясь мужскому инстинкту, древнему как мир, еще не вполне проснувшись, он потянул на себя импровизированное одеяло, чтоб прикрыть промежность.

Это самое одеяло на ощупь оказалось влажным и противным. Это заставило Эрона вздрогнуть и открыть глаза.

Боже милосердный, что за потрясающая красавица!..

Отчаянная и сумасшедшая разбойница с большой дороги стояла у окна, словно окутанная золотым облаком, запрокинув лицо и скрестив на груди руки. Глаза ее были закрыты.

От этого зрелища у Эрона перехватило дыхание. Даже перепачканная, в измятой мальчишечьей одежде, со взлохмаченными и спутанными волосами она была хороша. Изгиб стройной шеи был горделив и в то же время трогательно-беззащитен. А дивными параллельными линиями скул и челюсти, особенно ценимыми знатоками женской красоты, он мог бы любоваться целую вечность...

Увы, вечности в запасе не было. Когда миновало первое потрясение, Эрон вспомнил, что перед ним все та же женщина – взбалмошная и избалованная, для которой разрушение чужих жизней не более чем забава... Увольте. В эти игры он играть не намерен.

Обдумав свою стратегию, Эрон избрал в качестве оружия издевку. К тому же это был конек Хейстингза.

– Молишь небеса о милосердии? – растягивая слова, произнес он. – Неужто просишь прощенья у Господа за то, что похитила бедного работягу да еще заставила целую ночь потрястись от холода в этой дыре?

– Я молю Господа разразить тебя на месте! – не открывая глаз, произнесла красотка. – Молю ниспослать молнию, чтоб испепелить тебя без остатка. Потоп или голод не подойдут.

Повернувшись к нему, она сама едва не испепелила его взглядом. Что ж, если он не ошибся, то девушка ничуть не меньше, чем он сам, уязвлена тем, что им пришлось провести вместе столь... м-м-м... странную ночь.

При свете дня он впервые как следует рассмотрел ее фантастические глаза – сине-зеленые, широко расставленные... А еще он заметил, что девушка слишком худенькая. Все это делало ее похожей на некое мифическое создание, хоронящееся в развалинах и пугающее поздних путников.

Оглядевшись, Эрон впервые оценил степень царящего здесь хаоса. Похоже, когда-то тут была гостиная. Повсюду стояли жалкие останки некогда добротной мебели – казалось, их расставила здесь некая безумная рука...

И хоть в темных углах было еще мокро, но в проемы, где располагались некогда изящные стрельчатые окна, лился яркий солнечный свет, безжалостно освещая всю мерзость царящего здесь запустения.

Эрона обуял самый настоящий ужас, его словно ледяной водой окатили. Некогда это явно был прелестный, даже роскошный особняк...

Такой же, как и Арбодин.

И вот во что он превратился... словно самый страшный его сон сделался вдруг явью. Сон о том, как безжалостна бывает судьба. Как некогда дивные строения превращаются в руины, не подлежащие восстановлению, – и предаются на растерзание силам природы, зарастая плесенью и мхом...

А ведь этот страшный сон мог сбыться и для него самого. Арбодин – просторное, весьма элегантное имение, к тому же очень дорогое. Он – последний отпрыск своего рода, и некому оспорить у него титул, каким бы позором он себя ни покрыл. Однако семейное состояние принадлежало деду, нынешнему графу Арбодину, и только ему одному. Не получив в наследство денег, Эрон никакими силами не сможет поддерживать усадьбу в должном состоянии, дабы затем передать потомкам...

Эти руины были блестящей иллюстрацией худшего из всех возможных сценариев – а ведь именно этим все и закончится, если дед когда-нибудь прознает про проведенную им с невинной леди ночь!..

...Как могло такое случиться? И как теперь быть? Как спасти Арбодин от такой вот участи?...

– Слушай, а эта усадьба... Здесь что, бушевали бои? Ее обстреливали из пушек? А может, случилось землетрясение? Или извержение вулкана?

– Нет, – рассеянно ответила девушка. Она тайком спрятала что-то в вырезе своей мужской сорочки и отряхнула руки. – Просто пожар. Обычный пожар. Сам понимаешь, пять братьев, вот и...

– Вот заладила-то! Братья вовсе не божья кара вроде землетрясения или урагана!

– Ты просто незнаком с моими братьями.

– И знакомиться не имею желанья! Знакомства с одним из них мне довольно, уж будьте покорны!

Электра наконец повернулась к нему лицом. Руки ее были сложены на груди поверх нелепого мужского жилета. И Эрон понял, что до гробовой доски его будет преследовать эротическая фантазия о девушках в мужских жилетах. Черт бы ее побрал!..

– И вот еще что... – Она пристально смотрела на него, словно изучая. – Ты и я... Оба мы знаем, что этой ночью ничего не произошло.

– Хм-м-м-м... – Встав, Эрон принялся сгребать в кучу их «постельное белье» – с чего вдруг ему пришло это в голову? – Сдается, ничего не случилось... Ну, кроме того, что бандитка напала на меня...

– Именно так! – Девушка закивала. – Но люди могут все неверно истолковать...

– Ты про мировых судей? Полагаю, судья легко распознает преступление, уж будь покойна!

– Нет. Я имею в виду моих братьев. И отца... впрочем, он скорее замучает тебя до смерти нотациями. – Девушка зябко передернула плечами. – Вот братья – другое дело... Слушай, а ты быстро бегаешь?

Эрон заморгал:

– Ну... если побегу прямо сейчас, к вечеру буду в Шотландии.

Электра даже не улыбнулась:

– Прекрасно. Мы поняли друг друга?

Обычно Эрон не шел ни на какие сделки, не оформленные юридически, – на его долю хватило многих «дружеских соглашений» и печальных последствий таковых. Но вдруг, неожиданно для себя самого, беспечно кивнул, думая лишь о том, что волосы ее почти такие же золотые, как закатный луч на снегу...

– Погоди... как ты сказала?

– Я сказала, что мы с тобой навек забываем... – она указала пальчиком на скомканные влажные портьеры, – обо всем этом. Нам обоим с тобой невыгодно, чтобы это все когда-нибудь выплыло наружу.

Эрон поверить не мог в свою неслыханную удачу! Его отчаянный трюк сработал! Он свободен! И теперь может позабыть эту сумасшедшую девчонку и эти развалины, словно дурной сон... Особенно развалины – живое напоминание о том, что может случиться с родовым гнездом, если у хозяина в кармане гуляет ветер!

– Ну да. По рукам!

И он протянул ей руку. Вдруг, поняв, что вышел из образа Хейстингза, отдернул ее и... плюнул себе на ладонь.

– Ну что? Теперь по рукам?

Девушка вытаращила глаза... и вдруг...

– Мальчишка! – Она решительно схватила его за руку и крепко ее стиснула. – По рукам!

...Пусть она безумна, пусть бандитка, однако снобизма в ней ни на грош! Ни разу еще Эрону не приходилось встречать леди, способную пожать руку, на которую плюнули... или похитить мужчину... а потом целовать его...

«Нет. Не думай об этом! Думай лишь о том, что избежал западни!»

До «Зеленого Ослика» было идти мили три, не меньше. Они пересекли то, что некогда было аккуратной приусадебной лужайкой, а теперь представляло собой буйный зеленый луг. И все-таки день был на диво хорош: омытый вчерашним дождем, теплый и солнечный. Им обоим было о чем поразмыслить.

Попав впросак с лордом Эроном Арбогастом, Электра решила вычеркнуть его имя из своего «Списка». Ведь мистер Хейстингз – преданный слуга его светлости. Не исключено,

что когда-нибудь он проговорится о том, что случилось нынешней ночью. Его светлость явно не будет в восторге, узнав, что его супруга когда-то провела ночь в объятиях слуги... После того, как поцеловалась с ним.

И еще как поцеловалась!

Поистине мужчины – странные создания...

К тому же Электре не терпелось очутиться наконец в Лондоне. Там уже вовсю шел придворный балльный сезон... Шел без нее! Каждый день заключались блестящие помолвки. Если она не поторопится, всех лучших холостяков приберут к рукам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.